Валентин НЕРВИН

Избранная ЛИРИКА

Воронеж, 2022

УДК 821.161.1-1 ББК 84(2=411.2)6-5 Н 54

Издание осуществлено при финансовой поддержке департамента культуры Воронежской области.

Нервин В.М.

Избранная лирика. – АО «Воронежская областная типография». – Воронеж, 2022. – 368 с.

Пафос сокровенности — драгоценное качество лирики Валентина Нервина. Язык чувственных фактов дает возможность в нескольких строках выразить реальность, постигая мир, а главное — человеческую судьбу.

Фотопортрет Валентина Нервина работы Натальи Коньшиной.

ISBN 978-5-4420-0970-5

© Нервин В.М., 2022 © Аникеев А.В., графика, 2022

ВЫШЕ БОЛИ И РАЗЛУКИ

ОБЛАКА

Человеческим законам неподвластные пока, над Кожевенным кордоном вечереют облака. Собираясь у излуки, вечереют надо мной выше боли и разлуки, выше радости земной. Если к облаку подняться по закатному лучу, то такие песни снятся просыпаться не хочу. То ли эхом, то ли стоном отзывается строка: над Кожевенным кордоном вечереют облака.

Когда говорится:

«Мы родом из детства», то это, пожалуй, не в силу кокетства по духу и праву прямого наследства мы родом из крупнопанельного детства. Родители не выходили за рамки и строили крупнопанельные замки и, видимо, из уваженья к ребенку, ребенка под общую стригли гребенку; кормили-поили, пороли-ругали, «всеобщего среднего» не избегали, и так, в результате, по плану и смете, означились крупнопанельные дети. А мы героически не замечали, что крупнопанельные души мельчали по мере ученья, по мере взросленья, по мере судьбы

моего поколенья...

За холмами высокой печали остается потерянный рай: сколько радости было в начале и наивной любви через край! Сколько музыки было за нами, а теперь и поется поврозь – я уже далеко за холмами, за которыми небо насквозь.

Мы над своими судьбами не властны, но в области земного естества слова – любые! – менее опасны, чем непроизнесенные слова. У жизни примитивная основа и малоутешительный прогноз – наверное, в начале было Слово, которое Господь не произнес.

\$'c \$'c \$'c

Памяти К. Ковальджи

Какая бы не одолела порча, какой бы не означился надлом, родишься с криком,

умираешь молча,

осознавая:

вечность за углом. Убогого пространства постояльцы – живем наперекос и напоказ, а время,

уходящее сквозь пальцы, в конце концов,

опережает нас. И я не знаю, свидимся ли снова, узнаем ли друг друга на свету? Но ежели

в начале было Слово, то мы

преодолеем немоту.

Я вовсе не пророк и даже не философ – на лаврах почивал, на нарах ночевал по смутным временам доносов и допросов в сообществе своих сограждан кочевал. Я часть моей страны – загульной и былинной и часть ее любви. не знающей границ. Наверное, умру – и в Книге Голубиной добавится одна из множества страниц.

РУССКИЙ ЛЕС

Бытует такое поверье, что люди в иные года могли превращаться в деревья, когда настигала беда. Их корни в земной сердцевине, а кроны ушли в небеса – по русской судьбе и равнине повсюду такие леса.

Шапку набекрень, а душе невмочь: время суток – день, время жизни - ночь. Поперек судьбы черно-белый свет, поперек любви и просвета нет. По ее садам соловьи молчат, по моим следам времена горчат. Оживу, когда – на исходе дня пролетит звезда поперек меня.

НА ТРАЕКТОРИИ ЛЮБВИ

Все происходит, как во сне: летим неведомо куда. Сосредоточься на весне – она уходит навсегда. На переломе бытия в сознании отражена твоя последняя, твоя неповторимая весна. Пускай душа перегорит на траектории любви, как небольшой метеорит, не долетевший до Земли.

Говорить о любви и печали я не стану: какого рожна? И по пьяни забуду вначале ночь, которая всуе нежна. Сатанея от запаха тела, по высокой орбите ночной надо мною комета летела, и стонала земля подо мной. А наутро, осилив похмелье, я подумаю: «Что за дела?» Ты лежала на этой постели, но по черному небу плыла...

ПУТЬ

По одной из лунных траекторий, как и все, через немного лет, уходя, без лишних аллегорий, погашу невыгоревший свет. Там, где оседает позолота на седые лунные холмы, сколько и кому платить по счету самоутверждающейся тьмы? Если время ходит по спирали, а спираль раскручена во мгле, то выходишь к свету.

Но едва ли по пути, ведущему к Земле.

У человека всё в порядке: ну, жизнь прошла – и хрен бы с ней. Что у него в сухом остатке? – Немного лет, немного дней. Не важно, Бог или природа его незримый конвоир – закономерностью Исхода уравновешен этот мир. Душа клюет земные крохи, немного зим, немного лет, и – по периметру эпохи – летит на свет.

HA NACXV

Пасха – чудо, целованье, ликование кругом, а какой-то пьяный Ваня пнул собаку сапогом. В день высокого Завета и поверженного зла чем ему собака эта не по норову была? Неужели настроенье человека таково, чтобы в это Воскресенье пнуть живое существо?.. Сколько мы не вопрошали, разобраться не могли: черти следом поспешали, Ваню под руки вели.

Всё.
Надоело ломаться.
Перегорел и погас.
Господи, дай оклематься после любви напоказ!
Только большие актеры не притворяются, но знают стезю, на которой непоказное смешно.
Только большие поэты, этой стезе вопреки, кажутся целому свету честными, как дураки.

Вечные антагонизмы сосуществуют в крови и в отношении жизни, и в отношенье любви.

Не хитри и душой не криви, не зови эту связь роковой – по долинам и взгорьям любви мы проходим с тобой не впервой. По ее карамельным лесам куковали мои соловьи и взлетали к ее небесам и тонули в озерах любви. А закуска уже на столе и бутылка уже на крови, и живем, говорю, на Земле – заповедной планете любви.

ИЛЛЮЗИЯ

Когда не вдруг откажут тормоза и одолеет головокруженье, твою натуру выдают глаза – отчаянные, до изнеможенья. Ты замужем. Но, как ни назови, не станешь ублажать и унижаться, ведь женщина в отсутствие любви вольна своей судьбой распоряжаться. И ежели сегодня мой черед унять твою тоску по совершенству, то – на пути к минутному блаженству – еще одна иллюзия умрет.

Переплетенье тез и антитез решительно идет на всю катушку. Любой из нас в душе отчасти Пушкин, а в некоторой степени – Дантес. Но Пушкина в себе боготворить не торопитесь: он, по крайней мере, до некоторой степени – Сальери, отчасти – Моцарт, что и говорить! Мы – двуедины. Судя по всему, действительно, иначе не бывает. И снова Каин брата убивает, мучительно завидуя ему.

Эту женщину когда-то я любил. Эта женщина ни в чем не виновата: это я ее по образу лепил, это я ее разлюбливал когда-то. Жить бы, не сжигая кораблей, чуточку добрее и сердечней это, безусловно, тяжелей, но определенно человечней. Даже если просто уважать, в силу непреложного закона, разве невозможно было удержать ветреного, но – Пигмалиона? Ах, Пигмалион, Пигмалион, для чего – спросите Галатею! – надевать узорный медальон на такую мраморную шею?..

НОЧНОЙ РОМАНС

Которую ночь не сплю – глаза проглядел вотще. Зачем я тебя люблю изрядно и вообще?.. Сижу, не смыкая вежд, а вдруг ты сейчас войдешь и краем своих одежд коснешься моих одеж? Когда же приходишь – ах! – с иголочки всякий раз, проводка искрит впотьмах, и ржет за окном Пегас.

Любимая, к чему упреки и пререкания, когда весна в положенные сроки прошла и скоро холода? Душа не ищет благодати, а просто тянется к теплу, и препирательства некстати, как звук железа по стеклу.

ЖЕСТОКИЙ РОМАНС

Эти встречи, ревнивые речи, безупречной печали печать я тебе ничего не отвечу, не хочу я тебе отвечать. Мон амии, не вдавайся в детали, упивайся красивой тоской, а меня откровенно достали обстоятельства жизни такой. На десерт полюбуюсь тобою, как сидишь - угловато и зло... Мы расстанемся без мордобоя, полагаю, что нам повезло. Эти встречи, ревнивые речи, безупречной печали печать ничего я тебе не отвечу, не хочу я тебе отвечать.

Опять сегодня ты дотошная, жестокая и любопытная – мое обыскиваешь прошлое и говоришь слова обидные. Мы все, за редким исключением, не без греха, моя красавица. Душа, влекомая течением, не сразу к Богу переправится. Но перемелются, отмолятся перипетии прошлогодние. Давай попробуем не ссориться – оно куда богоугоднее.

Какое нетрезвое нынче веселье! – Вино веселит, а добра не сулит. Душа полюбила тебя на похмелье, а сердце, некстати, болит и болит. Да ну его к черту! Подсяду поближе – ты пьешь и смеешься, хохочешь и пьешь, и, кажется, я никогда не увижу, как ты суетливо меня предаешь...

Нечего меня жалеть.
Что мне в этой жалости?
Нелюбви не одолеть –
уходи, пожалуйста.
Уходи, душа пуста –
темная, забитая,
точно церковь без креста,
всеми позабытая.
Задыхается в груди
песня лебединая.
Умоляю – уходи,
уходи, любимая...

Ты нежнее и много моложе меня – так береза нежнее замшелого пня.

И душой, почерневшей почти на корню, я тянусь к твоему молодому огню.

Но уже не взлететь, не запеть, не обнять – не могу заскорузлые руки поднять.

Разойдутся нетрезвые гости, перестанет орать воронье, и на старом забытом погосте успокоится сердце мое. Не печалься, моя дорогая: оцени, безотчетно скорбя, что теперь никакая другая не отнимет меня у тебя. Ничего-то уже не случится в продолжение жизни земной, только ива по-женски склонится и заплачет в ночи надо мной.

% % %

Я выпью и, может, немного забудусь и буду с друзьями на равных острить, и не сотворю несусветную глупость, которую мог и хотел сотворить. Сотру в порошок и по ветру развею само твое имя. И память сотру. Как страшно, что я поутру протрезвею, что я не заплачу

на этом ветру.

oje oje oje

Опять повторяется призрачный день, когда, поневоле глаза закрывая, я вижу твою торопливую тень, которая к морю идет, как живая.

Я знаю, что это навязчивый бред и вслед за волной ничему не вернуться: тебя уже нет, нелюбимая, нет – и надо очнуться, очнуться, очнуться...

Пугливая тень избегает меня, блуждая поодаль, и чудится даже, что ей оставаться до Судного дня деталью и болью морского пейзажа.

Некий сумеречный скептик утверждает: «Дело швах: море, словно эпилептик, бьется с пеной на губах». А по мненью оптимиста, облеченному в слова, та же пена – как монисто или, скажем, кружева. Человек собой доволен оттого, что испокон каждый прав и каждый волен видеть то, что хочет он.

ГАНТИАДИ

Близ моря жизнь нетороплива, как кучевые облака: пижоны местного разлива прогуливаются слегка, орут нахрапистые чайки, штормит который день подряд, окрестные домохозяйки изгантиадить норовят.

Пора сказать, что Гантиади – колониальный городок, где анаша за бога ради и пальмы тощие в рядок. Похоже, со второго раза при воплощении земном возник в предгории Кавказа Эдем, похожий на Содом.

За пеленой восточных сказок, на чебуречном берегу, среди медлительных абхазок я от любви изнемогу.

В раю не может быть иначе, а на земле – наоборот. Поэтому я выпью чачи неподалеку моря от.

Пеленою облаков небо занавешено.

- Ты, родимый, кто таков, что в тебе намешано? Почему навеселе, всеми понукаемый, ходишь-бродишь по земле, словно неприкаянный?

Снизошло на дурака, по его беспечности, это небо, облака и немного вечности...

ВОСПОМИНАНИЯ О ГЕОРГИУ-ДЕЖ*

Не здесь ли мирны дни вели земные боги?.. А. Пушкин «Воспоминания в Царском Селе»

Прекрасный город Георгиу-Деж! Я там купил рубашку цвета беж и брюки цвета, извиняюсь, хаки, потом духи, любимые женой, и сапоги для женщины одной, с которой состоял в негласном браке.

Затем успел смотаться на завод, оформить в ОКСе премию за ввод каких-то там поточных новых линий и, как всегда, окончив дело в срок, провел совсем не хилый вечерок с одной милосско-лискинской богиней.

 $^{^{}st}$ Советское название райцентра Лиски Воронежской губернии.

Мне полюбился тамошний вокзал, где я с одним товарищем врезал забористую местную «Мадеру». Он был командирован из Орла и натурально клюнул из горла, последовав достойному примеру.

А после я читал ему стихи и подарил... по-моему, духи, а сапоги остались возле кассы. Прекрасный город Георгиу-Деж! Я там купил рубашку цвета беж и брюки цвета хаки – экстра-класса!

Кончается наше недолгое лето любви, дрожит на излете крапленое время свободы, и там, где вчера заливались мои соловьи, дурная кукушка пошла окорачивать годы. Наверное, поздно, наверное, возраст не тот – молва перемоет мои затрапезные кости, и стану мишенью для сакраментальных острот, для малопонятной и неуправляемой злости. Валяйте, чего там, и сам порезвился бы, но кончается лето – последние копья ломаю. И я понимаю, что это ужасно смешно,

хотя, очевидно, я многого не понимаю.

По ялтинским пляжам гуляет закат, сезон виртуальной любви на излете. Волна переводит слова с языка души на язык осязаемой плоти. Плыви по течению календаря и помни о маленькой радости этой, которая брошенной в море монетой останется где-то

на дне сентября.

Прямо по течению беды прошлое оделось берегами; бросишь камень в зеркало воды – время разбегается кругами. Вот и сердце, памяти вослед, окаменевает поневоле. И куда нам плыть из этих лет по теченью совести и боли?..

Не ставшая ни песней, ни судьбой, ни каждодневным смыслом бытия – черемуховолосая моя, бог весть, когда мы свидимся с тобой. На этой удивительной земле налево ли, направо ли пойдешь, окажешься не в пекле, так в петле, не в омут угораздишь, так под нож. Душа перелопачена судьбой. Бог весть, когда мы свидимся с тобой...

ДОМ

Какие песни слышал этот дом! Он никогда запеву не был тесен. А женщина,

не любящая песен, пришла сюда, как мачеха, потом. Она отлично выбрала момент, расчетливо отдавшись увлеченью, и дом умолк,

как ценный инструмент, используемый не по назначенью. Ни друг, ни недруг в двери не стучит, ни смеха, ни стенанья за стеною. Мой дом молчит.

Как проклятый молчит. И все его обходят стороною.

Не отчаивайтесь, полноте, преходящее не в счет. В этой сумеречной комнате время побоку течет: та же музыка астральная по периметру кружит, и гитара фигуральная на диване возлежит. По лимиту вдохновения суету окоротив, потолкуем о забвении, если Вы не супротив. Не отмалчивайтесь, полноте, посидим накоротке в этой выморочной комнате у судьбы на поводке.

ПАМЯТИ ДЕЗЕРТИРА

Как на той, на далекой гражданской не скакал на горячем коне, не сражался Овидий рязанский и стихов не писал о войне. Он, конечно же, не был героем – забулдыга тире патриот – да такого как он перед строем полагалось публично в расход. Так за что же ему – дезертиру – синеглазая муза - вдова подарила российскую лиру и дала неземные права? ...То ли красная конница скачет. то ли белая конница мчит, а тальянка по-прежнему плачет, и гитара как прежде звучит...

…Утекаем как вода из невидимой горсти. Уплывая в никуда, убывая во плоти, на потребу выбирай, ибо нет пути назад: правый берег – это рай, левый берег – это ад. В компетенции богов только нечет или чет. Меж кисельных берегов даже время не течет.

Душа и тело, плоть и дух... Когда б единство этих двух начал имело место в мире, как пела бы душа моя, лаская струны бытия на чуткой выморочной лире!..

А впрочем, стоит ли роптать и злому гению под стать не трепетать под игом плоти? – Давай, подруга, наливай, молчи, душа моя, давай не упираться на излете...

...Всё лишь бредни, шерри-бренди, ангел мой. О. Мандельштам

...Алькова белая берлога и два бокала на столе... Не отпирайся ради бога и ради мира на земле! Всплесни прозрачными руками, порочный ангел во плоти, ужели там – за облаками твои неведомы пути? Свечу оплывшую задую, качну скрипучую кровать я на тебя не претендую и не могу претендовать. Но, обернувшись у порога, скажу беспечно: «Ангел мой, не огорчайся ради бога и ради вечности самой!»

ЦЫГАНСКАЯ ОСОБАЯ

Заговорили рюмочки-стаканчики – по всей России полный балаган. Вот я сижу в паршивом ресторанчике и на закуску слушаю цыган.

Несет меня мелодия цыганская, но я теперь судьбу не тороплю: кто не рискует, тот не пьет шампанское, а я и так шампанское не пью.

Плесни-ка, брат, «Московскую особую» да за любовь сказать не позабудь, а я, по старой памяти, попробую любимой позвонить... куда-нибудь. Давай, земляк, надеяться на лучшее – наш человек нигде не пропадет. Когда цыган я на закуску слушаю, то хорошо «Московская» идет!

Несет меня мелодия цыганская, но я теперь судьбу не тороплю: кто не рискует, тот не пьет шампанское, а я и так шампанское не пью.

POMAHC

Повторяя слова покаянные, заповедную боль растрави – пой, гитара моя окаянная, говори о недолгой любви.

Отчего, не пойму, вспоминается на поверку сильней и больней, и душа семиструнная мается – ничего не поделаешь с ней.

Пой, гитара моя, разговаривай, поминальный огонь разводи. Разгорайся, душа, разгитаривай жизнь, которая вся позади.

Хрустнул пальцами и пошел – и трава ему не расти! До чего же, блин, хорошо: хрустнуть пальцами и уйти.

И – на память! – последний штрих – фраза, брошенная в дверях: оставайтесь, мол, при своих интересах и козырях.

Эка невидаль! – до поры, что написана на роду, выйти-выскочить из игры, как из поезда на ходу...

На Савеловском сонном вокзале провожала и плакала, но...
Помахав на прощанье в окно, я уехал туда, где не ждали, где уже ни друзей, ни любви – только шалые дни за плечами, только тихие слезы твои настигали, как пули, ночами. Может быть, уходя наугад, по сквозному закатному следу, я вернусь на полжизни назад и уже никуда не уеду.

Недостает немногого: любви.
Той самой – и слепой, и бестолковой, безденежной, раскованной, рисковой и, видимо, единственной любви. Я чувствую, что сердце устает и тяжесть нелюбви навряд ли сбросит. А женщина обиженная спросит: – Чего тебе еще недостает?.. Недостает немногого...

Конечно, в мире суматошном, где торжествует естество, душа болит о непреложном недолговечнее всего. И во всеобщей круговерти, перемогая виражи, на рубеже любви и смерти мы опускаемся до лжи. Нас упрекают, распекают, но – по дороге на Парнас – какие женщины ласкают и успокаивают нас! Они о вечности хлопочут, не понимая одного: душа бессмертия не хочет – она стесняется его.

Время жить и время умирать, методично сталкиваться лбами, камни и бутылки собирать, шевеля разбитыми губами. Что еще? Какие письмена проступают на скрижалях века? На Руси лихие времена — человек не слышит человека. А Христос воистину воскрес и не замечает, к сожаленью, что осталось времени в обрез по земному летоисчисленью.

ОКТЯБРЬСКОЕ

Паскудная судьба! -

живем как на вулкане. Безумный листопад стреляет наугад. Душа изнемогла и вымокла в стакане,

в который перелит

осенний суррогат.

Взгляните, господа,

повсюду поле боя! – и надо полагать, не зря и неспроста иная ипостась поддатого плейбоя определяет суть

распятого Христа.

Итак, я выхожу

небритый, как мессия,

и хрипло говорю

не в лад и невпопад:

- Паскудная судьба...

Воистину, Россия...

Иная ипостась...

Безумный листопад...

Ежечасно жизнь идет на убыль и – на предпоследнем рубеже – на последний юбилейный рубль не купить бессмертия уже. Может быть, оно и слава богу. И цыганка сразу всё поймет: не предскажет дальнюю дорогу, за гаданье денег не возьмет. Скажет: «Если жизнь пошла на убыль, то попридержи на вираже, на последний – юбилейный! – рубль ты не разгуляешься уже...»

...И вот зима: на крышах иней, на сердце лед, само собой. Идет поэт, от стужи синий, но вообще – не голубой. Вчера болезного хвалили, потом поили задарма, а поутру о нем забыли, и вот, пожалуйста, зима. Автоматически рифмуя какую-то белиберду, поэт идет и негодует, и замерзает на ходу. Куда несет его по свету, по гололедице земной?.. Не позавидуешь поэту с утра.

Особенно зимой.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ПЕСНЯ

Ах, то не рельсы грохотали и хохотали грохоча, не проводницы хлопотали да причитали по ночам – составом железнодорожным неспешно движется зима и представляется возможным сойти на станции с ума. Всё та же русская рулетка: непреходящая метель, полуневажная соседка, полуневлажная постель. – Давай, подруга, поскучаем, считая встречные огни, за железнодорожным чаем, который вечности сродни...

...На похмелье уже не поется, потому что болит голова. Жизнь проходит, а что остается? На дворе

остается

трава,

и дрова на траве остаются, сообразно житью-бытию, и хорошие песни поются, только сам я

уже

не пою.

Не грусти, дорогая, ей-богу, над похмельной планидой не стой, но когда разочтусь по итогу, эту песню

по памяти

спой.

Куда мне до нее? – она была в Париже... В. Высоикий

Она уходила.

Она покидала его, Июльская ночь становилась чернее и глуше. Еще оседала земля на могиле того, кто мог обессмертить ее непутевую душу. Она уходила.

Немилостью божьей – вдова. Охрипшие тучи по рельсам пространства скользили.

И думалось ей, что Россия постольку жива, поскольку душа устремляется к небу России. Она уходила.

Она возвращалась в Париж. А следом за ней – лабиринтом ночных перегонов – летела душа, опустившись до уровня крыш, до верхнего уровня международных вагонов.

Памяти Г. Иванова

Мы, рожденные из праха, презирающие страх, что мы знаем, кроме страха, превращающего в прах? Кроме бедности и боли, кроме смертного греха, кроме ветреной юдоли гениального стиха?..

Как будто не спишь,

но при этом боишься проснуться, как будто бежишь,

но совсем никуда не спеша – и вот наступает пора, наконец, оглянуться, и в столп соляной обратится живая душа. Бывает и хуже: забудешься и обернешься, душой соляной сатанея в дорожной пыли – как будто не спишь,

но уже никогда не проснешься, как будто бежишь,

но уже не касаясь земли.

По синему-синему небу, по еле заметному следу, за милой по белому свету на старом Пегасе поеду.

Поеду по кругу природы в страну заповедных бессонниц, откуда глядишь через годы глазами восточных невольниц.

Поеду горами-долами туда, где стареешься вчуже, и зябко поводишь крылами, которые прячешь от мужа.

Есть женщины, которые не блещут, свои не рекламируют достоинства. Но даже прозаические вещи под взглядом их

поэзией становятся. Пойди пойми, какая сила вложена в нее – такую, кажется, обычную, откуда эта женщина заброшена на Землю,

откровенно прозаичную. Есть женщины – их редко вспоминаешь, боишься, что ли, в прошлое заглядывать. И как-то незаметно начинаешь поэзию

на прозу перекладывать.

HA GEPETY

Течет издалека, неведомо куда, незримая река чернильная вода, в которую войти, увы, немудрено войти немудрено, да выйти не дано. Забвения темней чернильная волна, и, отражаясь в ней, чернеют времена, и тысячи людей стоят на берегу у памяти своей и совести в долгу.

Памяти А. Межирова

Холодно, голодно и неуютно – разве что горе еще не беда. Век начинался коряво и смутно и не кончался уже никогда. Что остается ему, инвалиду Первой, а также Второй мировой? Он опоздал на свою панихиду и не избыл темноты вековой. Над Вифлеемом звезда догорает, и выгорает звезда над Кремлем, а инвалид на гармони играет и громыхает своим костылем.

В аномально-дичающем веке, по колена в дремучем снегу, наши души бредут, как калеки, спотыкаясь на каждом шагу. Растеряли свои откровенья по сугробам отчаянной лжи. Замерзаю, застыв на мгновенье, по-над пропастью близкой души.

Когда некрепкий сон отпустит веки и повседневность станет донимать, подняться

и пойти гулять по снегу – без всякой цели, попросту, гулять. И, самого себя не узнавая, ни на кого не глядя свысока, зайти в кафе

и просто выпить чаю, ладони согревая о стакан. И в эти непривычные мгновенья почувствовать оттаявшей рукой, что человеку,

сверх обыкновенья, возможно жить счастливо и легко.

В угаре любви, в апогее застолий. на позднем параде остывших планет я вдруг понимаю, что Божьею волей от жизни уйду, а от вечности - нет. Случается то, что не может случиться на этой планете и, как ни крути, живая душа безотчетно стучится в Господние двери на Млечном Пути.

ПО ДОРОГЕ НА ЧЕРНУЮ РЕЧКУ

Александр Сергеевич Пушкин – замечательный русский поэт. Из учебника по литературе

По дороге на Черную речку начались Окаянные дни. Не гаси поминальную свечку, заодно и меня помяни. От Воронежа до Магадана, дорогая Отчизна, пора помянуть Александра, Ивана, Михаила, Бориса, Петра... Мы хлебнули из пушкинской кружки и до срока сошли в Интернет.

Александр Сергеевич Пушкин – замечательный русский поэт.

PEKA

Пока живу на этом берегу и маятник без устали качается, я не могу быть лучше, чем могу – не получается.

Но время утекает неспроста по мере человеческой потравы, а над рекой ни одного моста и переправы.

Река течет и вдоль, и поперек; а для чего дается жизнь иная – по совести, когда настанет срок, узнаю.

Пройду с утра вдоль нашего квартала – по достопримечательным местам, где женщина безумная читала свои стихи собакам и котам. Предполагаю, что, по крайней мере, имея первобытное чутье, все эти замечательные звери беспрекословно слушали ее. Безумия таинственные знаки и слова эмпирический закон воронежские кошки и собаки по жизни понимают испокон. Как проклятый, карябаю бумагу, а человеку надо по судьбе, найти обыкновенную дворнягу и взять ее в товарищи себе.

...А нам казалось – плыли корабли. *А. Жигу*лин

...А ежели спросят на Страшном Суде о жизни моей неудельной, я им расскажу, как пускал по воде кораблик простой, самодельный.

Я был капитаном того корабля, по-детски – а как же иначе? – отважно руля не по курсу рубля, а прямо по курсу удачи.

На свете хватало воды и огня, соблазнов особого сорта, но по-флибустьерски достала меня пробоина с левого борта.

Все наши победы кончались вничью, а все пораженья – тем паче; но детский кораблик плывет по ручью навстречу последней удаче.

Моя весна была простужена и безоглядно влюблена; миниатюрная француженка со мной гуляла допоздна. Тянуло сыростью по городу и сквозняками от реки, мы были счастливы и молоды, любой простуде вопреки. Земному таинству причастные, мы оприходовали дань, пока французские согласные лечили слабую гортань. Переболеем и расстанемся, но, как потом ни назови, мы не умрем и не состаримся по обе стороны любви.

Красиво жить, позировать молве, петь соловьем...

А знаешь, дорогая, красивых песен в жизни только две: одна о смерти, о любви – другая. Которое столетье напролет, во глубине породы изначальной, языческой душе недостает веселых песен Родины печальной. Пока ты распевала соловьем, на свой филармонический обычай, любовь и смерть стояли на своем.

Они потом поделятся добычей.

YEPEMYXA

Ни тело, ни душа

не находили места – в такие вечера недолго до греха. Черемуха была как шалая невеста, которая совсем

забыла жениха.

Наверное, когда

мистическая сила по воздуху плыла, по городу вела, черемуха цвела божественно красиво и женщина тогда

черемухой была.

Со временем пойму,

что всё на свете этом случается на раз и никогда потом, осыплется душа черемуховым цветом и снова расцветет

уже на свете том.

Всё поправимо, кроме одного, чему не научили в комсомоле: из тех, кого теряю поневоле, я не могу окликнуть никого. Перечисляю всех по именам, но слово распадается на звуки, и ветер галактической разлуки разносит их по снам и временам. Бог принимает нас как таковых, не глядя на фамилии и даты, не персонифицируя утраты, как принято на свете у живых.

НОЧНОЙ ТРАМВАЙ

По следу ночного трамвая летят золотые огни. до самого Первого Мая продлятся пасхальные дни. А воздух пропах куличами, поэтому тошно чертям шататься такими ночами по нашим трамвайным путям. Гуляй, черноземная рота! любая душа, на пропой, усыпана до поворота яичной цветной скорлупой. Я даже не подозреваю, что время глядит на меня с подножки ночного трамвая, на стыках пространства звеня.

СТРАННАЯ ЖИЗНЬ

Странная жизнь, похожая на бедлам: калейдоскоп событий, шумов и лиц – люди спешат по вымышленным делам мимо красивых женщин и певчих птиц. Время переливается как вода и растворяется в будничной суете. Занавес опускается. И тогда женщины улыбаются в темноте.

ГОРОДА

Города большие, да и малые, где шатался вдоль и поперек, все мои секреты запоздалые почему-то знают на зубок. Прежде было ветрено и молодо – походя, сжигали корабли; дом над Волгой или дым над Вологдой многое поведать бы могли. Что мне, окаянному, икается в яблоневых ялтинских садах?.. Время лечит, память откликается и в больших, и в малых городах.

ВОКЗАЛ

...Я помню пепельную прядь, берет, надетый набекрень. Спросила: «Будешь мне писать?» – «Конечно, буду – каждый день». ...Вокзал остался в темноте. Я не писал и не пишу, но в привокзальной суете судьбе, как женщине, машу.

Деревья никогда не спят и – во саду ли, в огороде – чуть ветер – листья шелестят, по человеческой природе. Есть заповедная страна, где все по-своему не правы, но помнят наши имена деревья, облака и травы. Они живут накоротке, чужую память опекая и поминутно окликая на шелестящем языке.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Зачем-то полез на чердак, а там, среди всякого хлама, среди бесполезных бумаг лежала твоя телеграмма. Сто лет пролетело со дня рожденья – когда это было! – но ты поздравляешь меня, хотя даже дату забыла...

ВПУТИ

...А вам случалось перед сном, в купе, по ходу разговора, листать пейзажи за окном, безотносительно повтора? И так всю жизнь:

прощай-прости! Беседа длится, поезд мчится, а мы встречаемся в пути. И ничего не повторится...

* * * *

На площади возле вокзала, где мается пришлый народ, блажная цыганка гадала кому-то судьбу наперед. И было, в конечном итоге, понятно, зачем и куда по Юго-Восточной дороге ночные бегут поезда. Когда,

на каком полустанке из полузабытого сна гадание этой цыганки аукнется, чтобы сполна довериться и достучаться, и чтобы – в означенный час – по линии жизни домчаться до линии сердца как раз!

Жизнь повсюду хороша, только нравы одичали, оттого моя душа — территория печали. Я не ангел, не герой — человек обыкновенный, но случается порой притяжение Вселенной. Вероятно потому и горит звезда молчанья, уводя по одному от земного одичанья.

Сидит человек у реки и слушает голос воды, и мысли его далеки от века

на круге беды. А век человека влечет по той траектории, где река никуда не течет и только

круги по воде.

Любой печали вопреки, пока погода позволяла, ты каждый вечер у реки, простоволосая, стояла. Там упования просты, переживания бесплотны – душа со звездами на ты, по праву птицы перелетной. Река не знала, почему, пока дожди не зарядили, по отраженью твоему загадочные звезды плыли.

Друг друга отражают зеркала... Г. Иванов

Когда сентиментальная Луна заходится маниакальным светом, я понимаю: красная цена твоей любви – пятак на свете этом. Еще не зачехлили зеркала, которые застыли между нами, а ты уже, наверное, была иными озабочена делами. Я вглядываюсь в собственные сны и различаю темную, сквозную, зеркальную проекцию земную на оборотной стороне Луны.

Свято место – кухонька да спальня, лампочка сиротская горит; все твои маршруты радиальны, потому кончаются навзрыд. Ну, какая, к дьяволу, фактура, что за пьянка, Господи, прости, ежели торшер без абажура, ежели на службу к девяти? Хорошо гулять напропалую, но витиевато чересчур; надо выезжать на кольцевую – покупать торшеру абажур.

Прохлада с гор

спускается в долину, по склонам облаков переходя и разминая спекшуюся глину стремительными каплями дождя. Закрыв глаза, по запаху прибоя и вкусу виноградного вина который век спускаюсь за тобою в долину тектонического сна. Глоток-другой забытого «Агдама» и, наконец, увижу, как живых, из глины сотворенного Адама и женщину

из капель дождевых...

ЮЖНОЕ

Пряный запах южного курорта, белые магнолии в цвету; по дороге от аэропорта карамель растаяла во рту. Поселюсь у самого залива, у седого грека-чудака, чтобы видеть, как неторопливо море переходит в облака. Содержатель маленькой таверны, где всегда столуются в кредит, обожает Грина и Жюль Верна, говорит красиво и навзрыд. Винный погреб делу не помеха: можно, выпивая перед сном, слушать укороченное эхо вечного прибоя за окном. А потом хозяйке, до упаду, заливать за дружную семью, за великолепную Элладу, за дурную голову мою.

Только море – цвета перламутра, долгий разговор накоротке и неувядающий наутро виноградный вкус на языке...

На самом краю Казантипа, где море встает на дыбы, на фрейдовский комплекс Эдипа выходит кривая судьбы. Знакомое чувство: как будто стремился всю жизнь напролет туда, где Татарская бухта морскими огнями цветет. Сакральное право земное записано мне на роду, и знаю, что станет со мною. когда я на берег приду, когда перебесится море, звезда на Боспоре вздохнет и женщина в греческом хоре высокую ноту возьмет.

Как одинокая луна сияла женшина на пляже ничья на свете не жена и не возлюбленная даже. Она морскую глубину хранила как зеницу ока, но кто польстится на луну, хотя она и одинока? Народ приехал отдохнуть, и нет желанья никакого по-человечески тонуть за ту луну со дна морского. Похоже, и любовь моя определяется тобою по линии небытия, а не по линии прибоя.

ПЕСНЯ

Помнишь, пьяная женщина пела на исходе июньского дня:

– Каравеллы мои, каравеллы, почему вы ушли без меня?
Оклемается мало-помалу, помолчит и опять за свое.
И такая тоска набегала от бесхитростной песни ее...

Одни загорают,

другие торгуют – у каждого смертного свой интерес. А если шальные дожди атакуют, то пляжные люди бегут под навес. Волнуется море, фальшивит гитара, гетера нетрезвую песню поет; и там, под навесом, помимо загара, один покупает, другой продает. Проходят века,

но в плохом сериале гитара фальшивит на том же ладу, пока догорает шашлык на мангале, звезда на востоке и души в аду.

РУСАЛКА

По натуре не хозяйка, но – с утра и до темна – возле моря, словно чайка, ходит женщина одна. А когда вода залива отражает море звезд, у нее неторопливо отрастает рыбий хвост.

Мне порой бывает жалко человеческого, но, может быть, она – русалка и наяда, заодно. А различье между нами только в том, что нас потом унесут вперед ногами, а ее – вперед хвостом.

Волну живую рассекая, от всех печалей и забот уходит женщина морская во глубину азовских вод. И там, не отходя от кассы, безотносительно обид, любви и нежности запасы морская женщина хранит. На полнолуние всего лишь вскипает горькая вода, и что-то из ее сокровищ перепадает нам тогда.

По-над облаком бесполым спит усталая звезда, воздух ангелами полон, как микробами вода. Люди – божии коровки – улыбаются во сне, нефтяные котировки не меняются в цене. Всё живое отдыхает от забот и суеты, только ангелы порхают, как рекламные щиты, только тихие микробы навещают города, никакие люди чтобы не проснулись никогда.

Городские мои соловьи насвистели чего-то про нас. Получается, что о любви можно всё говорить, без прикрас. Что скажу напоследок о ней, за которой светящийся след по прошествии тысячи дней, просиявших на тысячу лет. Доскажи, досвисти за меня, покружи по садам за рекой на излете последнего дня, бедный мой соловей городской.

«УЛЫБКА»

Около фонтана, в чебуречной, где всегда роились алкаши, говорили мы о жизни вечной, в плане трансформации души. Атмосфера этого кружала, не переходя на эпатаж, в некотором роде освежала серенький воронежский пейзаж. Разливное пиво, чебуреки, водовка, нечерная икра и чудные люди-человеки, не особо трезвые с утра. Но... уже давно, по всем приметам, жизнь пошла по новому пути: боулинг стоит на месте этом, алкашей в округе не найти. Если наше прошлое – ошибка, если даже горе не беда, вспомните название «Улыбка» это у фонтана, господа.

Никогда не будет плохо там, где было хорошо. Уходящая эпоха с нами пьет на посошок. Помаленьку, понемногу – по этапу зим и лет – мы уходим, слава Богу, тоже времени вослед. Наливай,

страна родная, веселись, кому ни лень, безоглядно поминая не оплаканное всклень!

Мы постарели, только и всего. По разнарядке время не воротишь. ...Я вижу город детства моего – он тоже называется Воронеж. И мы существовали заодно с его домами, парками, садами... Два города сливаются в одно пространство, разделенное годами. Там человек у смертного одра календари по памяти листает: сегодня переходит во вчера, но завтра никогда не наступает.

Памяти Б. Поплавского

Самой себе наперерез, по Млечному Пути, лети, душа, домой с небес, долой с небес лети. Как птица об одном крыле, как ангел с бодуна – душа, летящая к Земле, без оптики видна. Располагайся, а потом увидишь, каково пропащему вернуться в дом и не узнать его.

Когда печальный Алконост провозглашает наши сроки, среди квадриллионов звезд мы бесконечно одиноки. Покуда живы, тянем воз, которым управляет Хронос. Астрологический прогноз – увы и ах! – последний бонус. Надеешься на чудеса, на милосердье уповаешь и записать не успеваешь иных галактик адреса...

На белом коне, со звездою во лбу и, море ему по колено – Архангел достал из футляра трубу: – Маэстро,

давайте Шопена!.. Земная музыка по Розе ветров летит между адом и раем, а мы накануне больших катастроф по-прежнему в бисер играем.

НА ПАРОМЕ

Припомню беспечное время, в котором хорошие люди живут невпопад, и серые гуси летят над Боспором – почти параллельно закату летят. Оттуда не видно, что век на изломе и надо платить дорогою ценой, что нет ничего замечательней, кроме волны за кормой

и звезды надо мной. Я многое видел и многое знаю, но разве напишешь гусиным пером, куда улетает высокая стая, кого на закате увозит паром?

Памяти А. Азовцевой

Отмеряй пару лет в ту сторону небес, где выморочный свет наутро не воскрес, и кружатся едва, как тополиный пух, последние слова, не сказанные вслух. Отмеряй пару лет над уровнем реки течению вослед и боли вопреки, тогда я прилечу в твой сумеречный рай, усну и прошепчу: – Смотри, не умирай...

Памяти А. Ромахова

Не влюбиться, не опохмелиться, не перекреститься под плитой... Боже мой, какая мгла клубится за порогом жизни прожитой! Разбросав красивые гвоздики по сырой, кладбищенской земле, бедные земные Эвридики медленно теряются во мгле. Это значит – ничего не значат волосы по ветру и плечам, только звезды падают и плачут, падают и плачут по ночам.

ТРИДЕВЯТОЕ АВГУСТА

Тридевятое августа.
Ночь напролет
я сижу в полутемном углу «поплавка»,
и какой-то эстет на эстраде поет:
– Ах, зачем эта ночь так была коротка!..
От луны по воде незатейливый след,
городского романса простые слова –
дежавю продолжается тысячу лет:
человек умирает, а память жива.
В акватории неба, у всех на виду,
по течению ночи плывут облака.
Не гони лошадей,

я допью и уйду. Тридевятое августа. Жизнь коротка.

Лето кончилось, увы. На березах и на кленах поубавилось листвы – желтых больше, чем зеленых. Это горе – не беда, это море – по колено: время года никогда не бывает неизменно. Годы мчатся как хотят, за себя не отвечают, листья по ветру летят и земли не замечают...

Электричка уходит без четверти восемь.

Отпоют остывающие провода, и потом на Земле начинается осень – электрички уже не заходят сюда. Постою напоследок у края платформы, за которой неистовствует листопад, по-осеннему низкие звуки валторны долетают на Землю почти наугад. Ни гроша за душой, ни души на перроне, ни последнего пира во время чумы – почему ничего не предвидится, кроме долгой осени и бесконечной зимы?..

Электричка уходит без четверти восемь.

AKTPUCE

До чего ты похожа на правду, но живешь как последняя ложь, а любовь, по такому раскладу, называется «вынь да положь». Как бы ты зажигала в Содоме! Но, похоже, по нашей глуши ничего не случается, кроме нелюбви и загадочной лжи. Только сполохи бабьего лета по сценарию жизни подчас оставляют царапины света в глубине обесцвеченных глаз.

Как по молодости, помнится, подфартило дураку: стала Муза мне любовницей, прилетала по звонку. Выметала все дебелые пересуды за порог, а потом – от страсти белые – крылья били в потолок! Интересно получается: времени наперекор, штукатурка осыпается до сих пор.

Хорошо гулять по осени там, где лесополоса – ангелы закупоросили придорожные леса. То ли музыка дареная, то ли ветер в голове, и летит заговоренная желтизна по синеве. Видит ангел огорошенный листопада канитель и платок, тобою сброшенный на шуршащую постель.

СТАНСЫ

Который год заела суета: по кругу воевали-пировали, но проносящий ложку мимо рта насытится когда-нибудь едва ли.

По разуменью каждого из нас живем на положении особом; но суета заела, Бог не спас и что-то заколодило за гробом.

Проносятся лихие времена до апокалипсического срока – наверное, кому-нибудь нужна такая бесполезная морока.

Но чур меня! – сижу навеселе по случаю суровой непогоды, как Человек на суетной земле – последнее творение природы.

Y NOBOPOTA

Уже опадают последние листья, и, как заводные, летят облака, а я вспоминаю приметы и лица друзей, окликающих издалека. По самому краю моих сновидений они оставляют свои адреса, и неуправляемый ветер осенний разносит оставшиеся голоса. – Давай попрощаемся у поворота, ведущего по лабиринту зимы, как люди, стоящие вполоборота на пересечении света и тьмы.

В РЮМОЧНОЙ

Вот и встретились напоследок после порции беляшей двое, мудростью пятилеток утомившихся алкашей. Окончательно и бесспорно обеспечены за труды, заварившие чай из корня человеческой лебеды. Говори же о чем угодно: про нелепую жизнь свою, про тяжелые сны в холодном, детонирующем раю. Как мы, Господи, постарели, разглагольствуя на предмет. Неужели, на самом деле, даже времени больше нет?..

ПЕСЕНКА

Я вспомнил нехитрую песенку эту, которую пел, когда был молодой – слова разлетелись по белому свету, как дым от костра над холодной водой.

Река унесла мои годы и беды, костер догорел на пустом берегу, а я никакую, достойную этой, нехитрую песню сложить не могу.

Отчего я сегодня с утра заплутал у полоні печалі? Даже спирт не идет на ура, даже мысли во мне одичали. То ли шапка на воре горит, то ли дух по этапу восходит, но постылая плоть говорит, а пытливая кровь колобродит. За душой – не копеечный флирт, не пустая вода из-под крана, а живой, неразбавленный спирт из граненого злого стакана. Разлетаемся... Et cetera, по закону всемирной печали. Не о том ли сегодня с утра перелетные птицы кричали?

ТЕМА ДЛЯ ГРУСТНОЙ ДУДОЧКИ

На лире ли, на дудочке пилю, как заводной... Что приуныла, дурочка, невесело со мной? Я знаю, что невесело, но вопрошаю в лоб: – Ты думала, поэзия – так значит, жизнь взахлеб? А я живу на «суточных» и, может быть, умру, пиликая на дудочке прикольную муру. Лети себе, свободная, романтику любя, а Муза подколодная не выйдет из тебя.

ПОГРЕБКИ

Полустанок-полустаканок называется Погребки. После пьянок и перебранок маринованные грибки. День пройдет, поезда промчатся, Бог не выдаст – жена не съест, никакого тебе начальства на четыреста верст окрест. Не железная ли дорога устаканила горемык? -Здесь от стрелочника до Бога получается напрямик. ...Пассажирский проходит рано. Закобенившийся чуть свет, я бы вышел на полстакана, только тут остановки нет. Просвистели... А за составом те же, времени вопреки: будка стрелочника, шлагбаум, за шлагбаумом - Погребки.

ПУШКИНИАНА

За Михайловским – тетерева по лесам токовали от страсти, только эти леса на дрова мужики порубили отчасти. Наши люди недюже хитрят, но зато веселятся душевней: сдуру пушкинский скарб, говорят, утопили в пруду за деревней. Но когда на дворе торжество, у поэта высокая проба: дайте волю – его самого к юбилею достанем из гроба! Разгуляется кровь с молоком, и покатится пушкиниана – от Михайловского прямиком, через Болдино - до Магадана.

...И на кого же, спрашивается, пенять, если не все бессмертны, по крайней мере?.. Я не могу постичь,

но могу понять:

каждому воздается

по высшей вере.

Где-нибудь за терриконами наших дней, за рубежом галактического кошмара вера неистребима,

и перед ней время имеет форму Земного шара.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Недолгие зимние дни, похожие на акварели. На сказочных елках огни по всем адресам догорели. Сограждане в теплых пальто спешат к остановке трамвая, вагоновожатых и то достала зима кольцевая. Один снеговик посреди, в отличие от человека, надеется, что впереди зима,

до скончания века.

Скулят бездомные собаки и подвывают провода, на карнавальном Зодиаке висит Полярная звезда. Мороз наяривает всуе, но добавляет куражу, поэтому сперва буксую, потом на рысь перехожу. По ресторанам и шашлычным друзья вальяжные сидят, и по делам сугубо личным сосульки важные летят. А снег ложится на дорогу, и по колена замело Снегурочку, что понемногу теряет женское тепло.

Душа сквозит, как старое пальто – лоснится, расползается, линяет... Он любит эту женщину за то, что женщина его не понимает, что человек, потрепанный судьбой, не торжествует, но и в ус не дует, что пред ней он истинный плейбой, которого давно не существует. ... Он кушает протертую морковь и порицает нынешние нравы. Вы скажете, что это не любовь, и, может быть, отчасти вы не правы.

Женщина, забытая зимой, ставшая чужой и нелюбимой, кажется потом себе самой вечной мерзлотой неистребимой.

А всего и надо: приласкать, утереть нечаянные слезы и поочередно извлекать старые сердечные занозы.

Отпускаю душу по волне женского оттаявшего взгляда, и за это – ради Бога! – мне даже благодарности не надо.

Л. Олениной

...И суета, и кутерьма, и – со времен царя Гороха – на свете белом, как зима, бывает холодно и плохо. Ты знаешь эти холода; так не бери меня на пушку, за те мгновения, когда живу на полную катушку. Когда из логова зимы сбежим, как маленькие дети, любовь останется взаймы всему живущему на свете.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ПОГОСТ

Сколько снега за ночь навалило! – никого с утра не удивит, что моя замшелая могила приняла благообразный вид. Я-то нынче из другого теста, но могу заочно пригласить в это замечательное место, где приятно выпить-закусить. Елочка под снегом наклонилась, птица пролетела на пустырь; на сегодня - так уж получилось я и снег, и елка, и снегирь. Можно долго пить или поститься, как обыкновенный человек, но щебечет утренняя птица, и кружится падающий снег.

ПЕРЕХОДЯ ВРЕМЕНА ПО СОЖЖЕННЫМ МОСТАМ

У Дон Кихота копье, а у Гамлета шпага для укрощения зла и заклятия бед. А у меня вообще карандаш да бумага: по существу, ничего подходящего нет. Но если я начинаю в себе сомневаться, переходя времена по сожженным мостам, рядом со мной оживают Шекспир и Сервантес, Пушкин и Бунин, Ахматова и Мандельштам. Зло на планете заводится с пол-оборота – это случалось, наверное, тысячу раз. Но от него защищают копье Дон Кихота, Гамлета шпага и слово любого из нас.

Стихи всегда слагаются в бреду – на русском, украинском или идиш – когда легко идешь на поводу, но самого поводыря не видишь. Создатель бредил миллионы лет, но свет определяется в итоге, и люди, понимающие бред, уже не потеряются в дороге.

ВОРОНЕЖСКОЕ ВРЕМЯ

Корабельный, колокольный. тайну времени храня, этот город своевольный приворонежил меня. От платоновского слова отражаются в реке переулочки былого с будущим накоротке. И шагаю рядом с теми, для которых я живу, и воронежское время понимаю наяву. Не хочу судьбы окольной для сегодняшнего дня этот город колокольный приворонежил меня!

МАРИЯ

Выше города – небо весны – надо всеми домами, дымами... Но какие заветные сны пролегли между небом и нами! Накануне живого тепла, по традиции патриархальной, просыпаются колокола на ликующей ноте пасхальной. Возле храма толпится народ: кто венчается, кто поминает, а Мария сидит у ворот и младенца в тряпье пеленает.

Когда я в небо долго не смотрю, то знаю, сколько прожил на земле; а погляжу – и сразу воспарю, как Птица Счастья

об одном крыле. На небе есть такие уголки, такие территории, куда во сне летят больные старики, по счастью,

молодея навсегда.

...И перестанешь бояться смерти. И. Рымарук

Дырявая память не вдруг умерла, не сразу погасла звезда; душа, как забывшая улей пчела, летит неизвестно куда. По черному вышита бисером тьма, но светится воздух ночной, залетные ангелы сходят с ума на ближней орбите земной. Немного терпения, и на роду запишется дата, когда я брошу в текучее время звезду, чтоб снова

вернуться сюда.

Весна по Заречью пошла ходуном и крутится-вертится как заводная; веселая птица поет за окном, а как называется птица – не знаю.

Лежу на диванчике возле окна и, кажется, не понимаю спросонок: откуда Заречье, какая весна и разве я, Господи, снова ребенок?

Пока не растрачен весенний запал и легкие трели за окнами льются, какое великое счастье – проснуться, не помня, как тягостно ты засыпал.

По соседству с огородами, в третьем доме от угла, за тесовыми воротами эта девочка жила. Не забуду, как украдкою мы гуляли налегке там, где вымощен брусчаткою склон от улицы к реке.

Покатило время под гору по булыжной мостовой, разделило годы поровну линией береговой. За какими поворотами та, которая жила за тесовыми воротами, в третьем доме от угла?

Не черемуха и не сирень, а душа расцвела к Первомаю. Я гуляю – берет набекрень – и судьбу,

словно ветки, ломаю. Потому что деньгами сорю, не считайте меня сумасбродом: я Вам эти цветы подарю мимоходом,

почти мимоходом. Вы поставите их у окна, чтобы с улицы видели сразу, что на сердце и в доме весна и черемуха – как по заказу!

По закоулкам Бринкманского сада, где ветер ворожил из темноты, где майская вечерняя прохлада окутывала звезды и цветы, черемухи красиво осыпались, высвечивая бринкманский портал, а в космосе, когда мы целовались, черемуховый ангел пролетал.

Который век природа торжествует и соловьи поют по вечерам, но рая на Земле не существует и нет покоя душам и ветрам.

ПРЕЛЮДИЯ

Четвертый ряд, пятнадцатое место – и память вышивает по кайме недолгую прелюдию оркестра и женщину, поющую во тьме. Не говорю о таинствах и тайнах, но жили в измерениях иных, сошедшие с небес обетованных, солистки филармоний областных.

А я – студент, влюбленный как попало, бегущий на концерты всякий раз, не зная, с кем жила, кому трепала нервишки и прически напоказ. И целый год, шалея от восторга, стипендию пуская на распыл, конфеты я таскал из военторга той женщине, которую любил.

Четвертый ряд, пятнадцатое место – почти двенадцать месяцев подряд... Но как-то раз, по недосмотру, вместо четвертого я сел на третий ряд.

И жизнь моя вошла в иное русло, по мере ускоряющихся дней. Но женщина дарила мне искусство – и я снимаю шляпу перед ней.

Не в какой-то преисподней, а буквально за углом плакал Ангел в подворотне, укрываючись крылом. Два нетрезвых гражданина, незадолго до того, дали Ангелу по нимбу, дабы выключить его. Что бывает в мире хуже человеческого зла? И лежали прямо в луже перья с белого крыла. Напоследок я сегодня пожалею тех двоих, ибо Ангел в подворотне был Хранителем для них.

Жизнь устаканилась, и понемногу определилось ее существо: я направляю послания Богу и получаю ответы его. Если идти по течению Леты, то получается, как ни крути, что доставляются эти ответы через людей незнакомых почти. Вон рыбачок у причала шаманит, я подойду, за спиной постою; он обернется и запросто глянет с облака

в самую душу мою.

TAPYCA

...Поэтому скажу, как на духу: давай-ка, брат, завалимся в Тарусу, где рыба так и прыгает в уху, а водка добавляется по вкусу. Там, на Оке, такая благодать и водоизмещение, что даже классическим пером не передать шизофрению русского пейзажа. Течет неторопливая река по лабиринту суетного века, но рыба не боится червяка, а водка не боится человека. В Тарусе распевает соловей, неистовый по части плагиата. и человек на лодочке своей рыбачит

по течению заката.

«В ДОБРЫЙ ПУТЬ»

Вот улица с названьем «В добрый путь». Неподалеку – станция Отрожка, где я, бывало, принимал на грудь и направлялся под ее окошко. Одноэтажный домик в три окна, персидская сирень, как подобает... Там проживала девушка одна, да и сейчас, пожалуй, проживает. Наверное, горит на кухне свет и девушка...

О чем я вспоминаю? – Да я ее не видел столько лет, что и при встрече даже не узнаю! А, может, и меня когда-нибудь помянут по канону и по ГОСТу на улице с названьем «В добрый путь», ведущей к недалекому погосту.

Поезд отслоился от перрона, расцвела попутная луна. В тамбуре купейного вагона женщина курила у окна. Что ей на дорогу нагадали, что наговорили под шумок, за какие дали-цинандали сигаретный тянется дымок? Женщина за это не в ответе. ...Выдали постельное белье, и в купейно-сумеречном свете прошлое забыло про нее. Всякое случается,

но всё же хорошо, когда сошло на нет прошлое, которое похоже на пустую пачку сигарет.

Дожидался тебя, и скорей, чем положено, из темноты в ореоле ночных фонарей пробегала по улице ты. На бегу,

на беду, на бегу каблучками, кроша тротуар, – до сих пор позабыть не могу этот звук и духи «Ше Нуар». Отпусти,

человеку невмочь одиноко стоять у окна, задыхаться и пялиться в ночь, где зажгла фонари тишина.

МАЛЬВЫ

Цветы называются мальвы.

В какой-то безумной дали росли благородные пальмы, но мальвы у них не росли. Когда-то слились воедино в потемках моей головы Мальвины, мечты, Коломбины, цветы, африканские львы. Какие фонтаны бурлили тогда в придорожной пыли, где только собаки бродили да бедные мальвы цвели!.. Спасибо судьбе и свободе по мере отпущенных дней, но август уже на исходе, а песни грустней и грустней. Кончается лето, и, может, когда я свое допою, красивые мальвы положит судьба на могилу мою.

Деревья, травы, перегной и прочее земное – всё это прежде было мной и снова станет мною. Врастаю в землю, а потом ветвями поднимаю листву, поющую о том, чего не понимаю.

BOCTOMUHAHUE O MY36KE

Под звездами, кочующими с юга, я жил тогда у черта на хвосте, и вольная, как музыка, подруга раскачивала время в темноте. В апофеозе нежности и боли соединялись на одной струне свободные диезы и бемоли, сиятельно дарованные мне. Потом я засыпал на сеновале, а звезды кочевали по судьбе, и новые созвездия сияли не для меня, но сами по себе.

АДИТП КАНРОН

Всю недолгую ночь напролет между Южным и Северным полюсом перелетная птица поет о любви человеческим голосом. И звезда от любви до земли долетает ночными зигзагами, и плывут по морям корабли под красивыми гордыми флагами. ... Эта жизнь утечет, как вода, но поет и поет непонятная птица, женщина или звезда — перелетная,

послезакатная...

Не знаю, как там – на далеких планетах, а здесь – угорелые души людей летают в каких-то полутора метрах над уровнем улиц и площадей. Земля подарила свое притяженье назло человеку и, как ни крути, но разнообразные телодвиженья душа совершает еще во плоти. Наш мир ограничен и необитаем для ангелов и серафимов, а мы в полутора метрах от жизни летаем, когда получаем бессмертье взаймы.

На развилке путей, на скрещенье дорог, уводящих до неба и выше, обитает невидимый ласковый Бог, словно сказочный Карлсон на крыше. Поутру ветерок облака шевелит, дождичек небеса купоросит, а моторчик уже навсегда барахлит и варенье никто не приносит. Старый Бог у порога Вселенной сидит и к полуночи ждет астероид, на котором веселый Малыш прилетит и чердачные окна откроет.

СТАРЫЙ ДИВАН

Как сладко засыпать на стареньком диване, продавленном еще столетие тому: ни горечи в душе,

ни гадости в стакане, а просто благодать

и полное му-му.

Лукавить не хочу, доказывать не стану, что именно во сне рождается строфа, но вынеси диван –

и всё по барабану,

сломается диван -

и кончится лафа.

Космическая пыль по воздуху летает, я засыпаю, но Галактика не спит:

обивку подновит

и душу залатает, пока моя Земля

пружинами скрипит.

ВОЗЛЕ МОРЯ

Там, где время ходит наоборот, со своими комплексами не споря, можно жить, не думая наперед, собирая камешки возле моря. На волнах качаются облака, пролетают чайки и альбатросы – хорошо посвистывать свысока, разрешая маленькие вопросы. В стороне от важных проблем и дел, на часы поглядывая украдкой, светлый ангел по небу пролетел, словно чужая память о жизни краткой.

Блудный пес неправильной породы, переделав мелкие дела, ждал у моря солнечной погоды, ждал обыкновенного тепла. Люди, загоравшие на пляже, искоса глядели на него, загодя подозревая в краже доброе земное существо. Воровать ошметки чебурека или кровяную колбасу по натуре ближе человеку, нежели порядочному псу. Мы на пляже, как на поле брани, а собака села у воды, взглядом выражая пониманье нашей человеческой беды.

За Коктебель всё сказано давно, поэтому сегодня дело глухо: ни белое, ни красное вино коньячного не укрепляет духа. Когда луна зайдет за Карадаг и смолкнут говорливые бакланы, мои печали чокаются, как наполненные заживо стаканы. Кончается бутылка коньяка, не успевая перевоплотиться в автограф на краю черновика, похожий на печальную жар-птицу.

Не светильник и не факел – головешка про запас; даже самый Падший Ангел ярче нас и выше нас. Он летит, изнемогая, по Вселенной прямиком, зная, что судьба другая в общежитии людском.

Утоли мои печали сказкой о добре и зле – нас летать не обучали, вот и ходим по земле. Мы таращимся из мрака на феерию огней, но последняя собака и добрее, и умней.

На самой прикольной из прочих планет, которые по ветру носит, безвременье длится две тысячи лет, безверье – две тысячи весен. Две тысячи зим продолжается бой с природой и собственной тенью. Для нашего брата архангел с трубой становится легкой мишенью. До боли понятно, что дело – труба, а мы не готовы к ответу. Приколы кончаются и не судьба рвануть на другую планету...

Хочу дотянуться до Господа Бога и правду о жизни узнать у него. Обидно, что сил остается немного и времени тоже всего ничего. Душа Голубиную Книгу листает и силится уразуметь, почему любви человеку всегда не хватает, а смерти надолго хватает ему. Ввиду неминуемого эпилога над логикой существования бьюсь: хочу дотянуться до Господа Бога, но правду о жизни услышать боюсь.

Пока стрижей стремительная стая выныривает с облачного дна, лежу в траве, до неба дорастая, по лабиринтам воздуха и сна. Пути Господни неисповедимы равно для птиц, деревьев и земли; фантазии мои необходимы какому-нибудь облаку вдали. А ветер, налетая временами, раскачивает сны и тополя, и с высоты,

которая над нами, не разобрать,

где я, а где земля.

В. Мисюку

Когда, повторяя речные изгибы, певучие звезды летят с высоты, на сушу выходят летучие рыбы, забытые сны

и живые цветы. Увы, никакой эпохальный философ ни в общем зачете, ни сам по себе еще не решил окаянных вопросов о жизни и смерти,

любви и судьбе. Я знаю, уходят и люди, и реки, державы и сны рассыпаются в прах, но было от века и будет вовеки: Земля – на китах,

а любовь – на цветах!

Живая радость быстротечна: трава устанет зеленеть, любимая не будет вечно хрустальным голосом звенеть. Импровизация былого уходит в будущее, но сопроводительное слово по жизни произнесено. Так, облака над головами летят в соседнюю страну, сакраментальными словами сопровождая тишину.

KPY FM

Кого мечты, кого долги удерживали в этом мире, но только по воде круги расходятся на все четыре. Остановись и оглянись: по грозовому небосводу круги земные разошлись – а мы пеняли на погоду. Всё переменится, когда, захолонувшие от света, сойдутся небо и вода на круге Вечного завета.

ГОЛУБОК

М. Кудимовой

О чем воркуешь, сизый голубок, у паперти на площади соборной, когда земля уходит из-под ног, а белый свет уже похож на черный? Как незамысловата птичья речь, душа чиста и крылья наготове. А человек не может пренебречь землей и волей,

черными от крови.

Наутро,

но еще пока ты спишь, как бабочка ночная обессилев, пространство сна пересекает стриж, стригущий небо ножницами крыльев. И скоро

ты проснешься налегке, поняв по интуиции, что это Бог говорил на птичьем языке, наивно отделяя тьму от света.

ТИШИНА

Тишина пришла издалека, снизошла печаль на идиота: жизнь длинна, да песня коротка – даже петь об этом неохота. Время у гармонии в долгу не доковыляло до астрала – на крутом от счастья берегу так недолго музыка играла. Бедного архангела труба растеряла голос, и такая тишина повсюду, что судьба в тишине поет,

не умолкая.

То ли юность мою, то ли старость разнесли по России ветра. Кувыркаться по жизни осталось на день меньше, чем было вчера.

Никогда никому не пеняя на чудную планиду свою, на окраине русского рая с алкашами в обнимку стою.

Что за тень по земле распласталась напоследок, сама посуди: то ли юность моя, то ли старость, то ли целая жизнь позади...

В МИНУТУ ОДИНОЧЕСТВА

В минуту одиночества, когда ни соловья тебе, ни Алконоста, погашены, похоже, навсегда все фонари у Каменного моста.

Исчерпан кратковременный лимит, отпущенный для маленького счастья; и лишь ВоГРЭС по-прежнему дымит, как при любви и при советской власти.

У прошлого надежная броня: я понимаю, что на самом деле дым иногда бывает без огня, а соловьи давненько улетели.

И вот стоит, поплевывая вниз, перебирая годы и невзгоды, почти мифологический Нарцисс, глядящийся в отравленные воды.

Бывает иногда – хоть волком вой, хоть зашивайся и беги из дома; такие дни случаются порой в масштабе современного Содома. Как ни крути тогда и не верти, а, подводя печальные итоги, одни пойдут по Млечному Пути, другие – по проселочной дороге. Но ежели маячат впереди сплошные катастрофы мировые, любимая, зачем на бигуди накручиваешь волосы живые?..

Осталось про запас немного сил, но время жизни движется к итогу, и женщины,

которых я любил, на пенсию выходят понемногу. Архангелы покуда не поют, но радости кончаются до срока: мечты не греют,

а друзья не пьют и до Христа – как до Владивостока. Я выступаю в роли чудака, привыкшего по жизни, без оглядки, надеяться на лучшее,

пока слова любви находятся в остатке.

...По Дону гуляет казак молодой. Из песни

В пути за живою и мертвой водой земная дорожка недолго петляет: по Дону гуляет казак молодой, а старый казак

по квартире гуляет. Я знаю, былые заслуги не в счет – вчерашние ангелы не приголубят; уже самогон по усам не течет и шашка не рубит,

и девки не любят. А вечером я выхожу на балкон, дышу химикатами и представляю, что неподалеку находится Дон и я на закате

по Дону гуляю...

ПАУЗА

Пахнет опавшими листьями время любви позади. Слушать банальные истины поздно, сама посуди. Тянется долгая пауза по существу бытия, на остановке «Икаруса» тень промелькнула твоя. Что разговаривать попусту, если с годами ясней: нет и не будет автобуса на остановке моей. Близится похолодание ты абсолютно права. ...Разве мы знали заранее, как опадает листва?

НЕЗАБУДКА

Ничего не случается, кроме глупой жизни, приснившейся мне. В опустевшем до времени доме незабудка цветет на окне. Погляжу на нее, и как будто я по-прежнему не одинок. А еще говорят: незабудка – бесполезный по жизни цветок...

Последние сполохи бабьего лета: уже никогда не забудутся эти глаза изумрудно-зеленого цвета и запах осенней листвы на рассвете. Высокие звезды бродили ночами по самому краю поры листопада и пересекали косыми лучами пустые аллеи Нескучного сада. Планета вращается, и ненароком на все невозможные стороны света летят отраженные стеклами окон последние сполохи бабьего лета.

В ДОРОГЕ

Природа на золото не мелочилась, на музыку тоже; да что говорить! — такая прекрасная осень случилась, и как же за это не благодарить? Опавшие листья летят за машиной, а память моя за годами летит, и чудятся за придорожной крушиной воздушные замки моих Атлантид. И музыка в них на закате играет, и женщины там без печали поют, а дети гербарий любви собирают — осенней листве умереть не дают. Я так благодарен судьбе и природе за эти недолгие теплые дни!.. Зима на пороге,

душа на свободе, а люди в дороге.

Но мы не одни.

Бессмертье человеку не по росту, но каждому дано, по мере сил, нести цветы к высокому погосту и на гробнички маленьких могил. Земная жизнь — всего одна минута, но светится и верит в чудеса душа, во мне живущая, как будто внутри земли — другие небеса.

Зачем, для какой стратегической цели живую синицу в неволе держу?..
Опять журавли надо мной пролетели – я шляпу снимаю и в небо гляжу.
Совсем невеселые мысли мелькают; дурацкие мысли, по сути своей, от важной работы меня отвлекают. А вся-то работа – считать журавлей...

Эта жизнь - одноколейка: развернуться не дано. Ни повтора, ни ремейка на дурацкое кино. Правда, мы не в Голливуде, потому что не у дел, и кина тебе не будет, если кинщик заболел. Значит, надо постараться, чтобы горе не беда, чтобы вовремя добраться к пункту Б из пункта А. И маячат как попало телеграфные столбы да загадочные шпалы по периметру судьбы.

ДЕНЕЖКА

Помнишь: Ялта, сумерки сезона, квелые осенние цветы... Оставаться не было резона, по причине полной нищеты. Накануне сдали стеклотару, за червонец местному менту продали хорошую гитару и ту-ту. Запорожье... Белгород... Воронеж... Только, по законам естества, ничего ты, девочка, не помнишь: умерла за день до Рождества. В тамбуре последнего вагона я стою на долгом сквозняке, денежку для хмурого Харона зажимая в потном кулаке...

...А когда часы уснули, оглашенные во мне, чьи-то жизни промелькнули на зеркальной глубине. На вселенской амальгаме время ходит по кривой – только звезды под ногами да Земля над головой. Я шагнул в миры иные, но пока не расплескал отражения земные галактических зеркал.

...Крылья ночи шелестели, как у черных лебедей. Только мы тогда хотели, чтобы всё, как у людей. Кто же знал, что из уюта человеку не взлететь – даже крылья почему-то перестали шелестеть. Не мечтайте о свободе, если замок на песке, безделушки на комоде и душа на волоске...

ТАЙКА

...Полухлебом плоти накорми. О. Мандельштам

Наивная душа Индокитая и тела загорелого ломоть – я не по трафарету проникаю в тугую тектоническую плоть. И загудела сонная планета по линии сиамских островов, и пролетела желтая комета над головами пляшущих волхвов. Они давно поглядывали в небо, где поминутно сходятся пути взыскующих иного полухлеба – не плоти, но свободы в плоти.

У женщины возможно научиться всему, что есть вблизи и вдалеке – Вселенная способна уместиться на маленьком игольчатом соске.

На фоне заката,

на лоне природы мы жили, казалось, у края земли, когда по фарватеру шли пароходы и сонные воды, как время, текли. Судьба нагадала

навеки проститься, и мы выпадали из времени, где над нами летали красивые птицы и тени сновали по легкой воде. Чем дальше по жизни,

тем сумерки ближе – махни на прощанье рукой вдалеке. Во сне запоздалом однажды увижу огни парохода на тихой реке.

ЗВЕЗДА

К утру холодает. И чудится, вроде костер догорел, а звезде невдомек, что недолговечная ночь на исходе кукушка молчит и горчит кофеек. Любимая. нам уходить в одиночку, но я тривиально доволен судьбой: есть пара минут на хорошую строчку на память, которая будет с тобой. Сейчас я достану заветную фляжку – налей до краев и звезду не туши: возможно, судьба предоставит поблажку на время любви, на пространство души.

Зарядили дожди бесконечные, слезы капают наперебой. Мы с тобою земные, невечные, мы из плоти и крови с тобой. Потускнели пейзажи окрестные, время года пошло на закат, регулярные силы небесные взяли наши сердца напрокат. Если жизнь – это лишь ожидание невозможного, то, уходя, на прощание, как на свидание, подари мне улыбку дождя.

ОСЕННИЕ ЦВЕТЫ

Как не затосковать в осенних городах? Всё кажется чужим и всё не слава богу; последние цветы на клумбах и в садах стоят, как фонари, и гаснут понемногу. А за полночь снега нагрянут свысока на эти берега, сведенные мостами, и как бы невзначай осенняя тоска уйдет за облака осенними цветами.

Вот и осень по жизни пришла, листья заживо падают в спешке; у кого не попросишь тепла – ни золы тебе, ни головешки. Что романсы, когда наяву, сообразно развитию темы, остается посыпать главу лепестками больной хризантемы. Выше неба и ниже земли, о весне поминая некстати, полетели мои журавли, догоняя тепло на закате.

ПАМЯТИ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

После потравы и похорон для оптимизма – край непочат. Целыми днями с разных сторон жизнелюбиво песни звучат. А по ночам я слушаю, как перекликается воронье, мусорный ветер

свищет в кулак и разрывает сердце мое.

А. Радашкевичу

Отчего, скажи на милость, на какой такой предмет этой ночью мне приснилась песня юношеских лет: там красивая такая отражается в трюмо и поет, не умолкая, Сальваторе Адамо. Только время, априори, человеку не судья -Сальваторе, Сальваторе, спета песенка твоя. Что упало, то пропало; мы не выкрутимся, но даже то, чего не стало, в зеркалах отражено.

После длительной попойки помер местный старожил – бомж, который на помойке Падшим Ангелом служил. Две загадочные кошки погрустили слегонца, санитар из «неотложки» матерился без конца. Погрузили, погалдели, помяукали вослед – Ангелу, на самом деле, на помойке места нет.

Ее на свете нет.

Она сегодня там,

куда не заглянуть

созданию земному.

Я ревновал ее

к деревьям и цветам,

и к шелесту волны,

и к воздуху ночному.

Как следовало жить

и какова цена

того, что говорим

любимым поневоле,

не ведая того,

что скоро тишина

заставит ревновать

ко времени и боли?

КОЛЬЦО

Не говори, не суесловь о снах, которые не в руку – кольцо дарилось на любовь, а пригодилось на разлуку. Ушел за тридевять земель – за разведенными мостами который год его постель пестрит могильными цветами. А ты состарилась одна, храня любовно и бесслезно кольцо, которому цена – две жизни, прожитые розно.

...Выпила недорогого вина, как-то неловко потом пошутила и на меня посмотрела она так, что дыхание перехватило. Долго ли, коротко, жизнь прожита – я не ищу для себя оправданья. Но вспоминается женщина та и –

перехватывает дыханье...

...Среди метели, медленно кружащей... *Ю. Левитански*й

Зима не торопилась,

но вчера, по замыслу небесного стратега, она решила выдать на-гора запасы нерастраченного снега. Прожив полвека в северной стране, я даже не припоминаю, чтобы у нашего подъезда, как во сне, лежали трехметровые сугробы. В апофеозе неба и земли – сплошная белоснежная морока, в которой, за российские рубли, веселье не затеплится до срока. – Любимая,

когда бы ты могла нарисоваться в этом Эльсиноре, от средиземноморского тепла мои снега растаяли бы вскоре.

СТАРЫЙ АЛЬБОМ

Листаю альбом незапамятных лет и, кажется, чувствую кожей, когда фотографии смотрят на свет и судьбы толпятся в прихожей. Какая проекция счастья была тогда на супружеских парах, какая прекрасная юность цвела на тех фотографиях старых!

Пора бы, пора бы усвоить всерьез, что молодость не повторится, но в этом альбоме ни горя, ни слез, а только веселые лица! Душа покидает родные места, но даже в покинутом доме блуждает улыбка счастливая та, забытая в фотоальбоме.

БЕЗДЕЛУШКА

В обыкновенной квартире есть безделушка одна: ангел играет на лире грош без копейки цена. Купленный на барахолке в годы больной нищеты, он притулился на полке выше мирской суеты. Выше хулы и злословья каждую ночь напролет у моего изголовья вольная лира поет. Только свободное небо запросто делит со мной малую часть ширпотреба в этой квартире земной.

В КИНОТЕАТРЕ ПОВТОРНОГО ФИЛЬМА

Верили в Бога и в Белого Бима, жили по совести, но всё равно в кинотеатре повторного фильма не повторяется

наше кино.

Что-то хорошее нам показали, но про чужую судьбу и беду не вспоминает в пустом кинозале зритель,

уснувший в последнем ряду.

Хочется праздника! –

И по старинке, после недолгих застольных трудов, я с антресоли достану пластинки семидесятых прикольных годов. Помнишь, когда-то под музыку эту, по-человечески навеселе, солнечный зайчик плясал по паркету так, что дрожало вино в хрустале.

Море судьбы не всегда по колено – годы и беды пошли на-гора, но повторяются песни Дассена, и Ободзинский поет, как вчера. Что-то забудется, но поневоле музыку памяти я сохранил. Хочется праздника! –

И с антресоли я достаю благородный винил.

НОВОГОДНЕЕ

Покуда мы считаем дни, год пролетает незаметно. Горят бенгальские огни, но тьма ночная беспросветна. Летит по миру конфетти, стоит библейская погода, сигналы Млечного Пути роятся на исходе года. Но будущее никогда не выдается по талонам, а Вифлеемская звезда не подменяется шаблоном.

ИЗ ДЕТСТВА

Ю. Кублановскому

На фоне железнодорожных путей, согласно церемониалу, калека безногий в тележке своей с утра колесил по вокзалу. Душа на пропой и медаль посреди, а за отворотом бушлата – согревшиеся у него на груди, скулили слепые щенята. А он, бедолага, шутил невпопад среди суеты балагана и водкой выкармливал этих щенят, бутылку достав из кармана. Хорошие граждане средней руки, забаву ценя лобовую, охотно кидали свои медяки в тележку его гробовую. В шалмане водяра текла как вода, навстречу собачьему веку, кого мы сильнее жалели тогда щенят или всё же калеку?

Вокзальные слезы легли про запас, бухло переполнило чашу. Кого мы сильнее жалеем сейчас – себя или Родину нашу?

Эта Родина проще простого, эта правда, как небо, стара. У кривого столба верстового, наконец, оглянуться пора. Сколько всякого было-случалось и случается в ней до сих пор! -И земля под ногами качалась, и стреляли друг друга в упор. Но, какого-то лешего ради, представляется мне, например, будто жили по вере и правде, будто слушали музыку сфер. У кривого столба верстового подымается дым без огня. Эта Родина проще простого, эта вера от пули меня...

CTAPИK

На последней ноте снегопада сердце виновато без вины – никакого праздника не надо, всё не в жилу, кроме тишины. Хвори да печали одолели, не осталось музыки в груди; но под капельницами капели есть одна отрада впереди: скоро Пасха и кому-то надо, чтобы с одинокой высоты на четыре стороны заката осыпала яблоня цветы.

Сочинилось ни много ни мало – только то, что легло по судьбе; накопление потенциала происходит само по себе. Что еще у меня на повестке до схождения под образа? – Византийские строгие фрески не глядят человеку в глаза. Привилегий по жизни не жду, против лома не знаю приема, но квартирку в районе Содома я могу обменять на звезду!

В небесах торжественно и чудно... М. Лермонтов

На самых высоких орбитах, где райские птицы поют, есть пепел невинно убитых и тех, кого завтра убьют. Не знаю, отсюда не видно, какая охрана в раю. Но даже Господь, очевидно, боится за душу свою, когда деловито и просто, пощады нигде не суля, восходит звезда Холокоста, по-нашему – просто Земля.

Не надо возвышенных слов: мы попросту сотворены из горького пепла и снов, оставшихся после войны.

Когда догорает закат, на линии сна и огня я вижу убитых солдат – и каждый похож на меня.

Живу, не прячась, а над Летой уже горит моя свеча. Когда уйду из жизни этой, не поминайте сгоряча. Не говорю,

что понял много и с веком был накоротке, но я не меч в деснице Бога, а лишь свеча в его руке.

УДАЧА

Никого ничем не попрекая, наконец, увидел наяву, почему судьба моя такая и благодаря чему живу. Слава богу, что не позабыли феи, серафимы, соловьи, женщины, которые любили, и друзья хорошие мои. Слава богу, в лучшие мгновенья честно удается заслужить пониманье и благоволенье тех, что жили или будут жить. Люди! Пожелайте мне удачи в самом очевидном и простом: чтобы видеть так, а не иначе, и на этом свете.

и на том.

ДВЕ СКРИПКИ

ДВЕ СКРИПКИ

1

Не умею вернуться в начало, но которую ночь напролет, там, где первая скрипка звучала, там последняя скрипка поет. Всё кругом ненадежно и зыбко, но Создателю честь и хвала, потому что последняя скрипка замечательней первой была.

2

Не всякий подарок от Бога и по-человечески жаль, что радости в жизни немного, зато неизбывна печаль. Судьба не щедра на улыбки, но для музыкальных людей Бог изредка делает скрипки из долгой печали моей.

Важно это вам или неважно, даже если по фигу уже: облака всегда многоэтажны – я живу на верхнем этаже. Ловко это вам или неловко – подыматься прямо в облака – у меня воздушная «хрущевка», непоколебимая пока. Лепо это вам или нелепо: в пику фраерам и докторам, у меня – на все четыре – небо и на кухне свет по вечерам.

Ну, здравствуй, своевольная весна! Не в первый раз щебечешь и стрекочешь, какого-то неясного рожна ты человеку голову морочишь. В который раз я слышу этих птиц, вернувшихся к покинутому дому поверх метафизических границ, проложенных по шарику земному. Такая вдохновенная пора, что чувствуешь иную перспективу, когда сирень с Острожного бугра без памяти бросается к обрыву. Как будто до скончания времен, в апофеозе вольности и силы, возможно воскресать,

как этот клен, зазеленевший на краю могилы.

Не смолкает напев соловьиный... А. Блок

По весне в соловьином саду хорошо называться поэтом и занять свое место в ряду, где-нибудь между Блоком и Фетом. Хорошо с переливом свистеть, оголтело вставать спозаранку, на рабочее место лететь и тянуть соловьиную лямку. ...Я живу на планете любви, сочиняя стихи по привычке, по которой поют соловьи – неприметные серые птички.

Где бы мы ни родились и где бы ни легли, как подлодки, на грунт, наша Родина – звездное Небо, а Земля – пересылочный пункт. Я могу дотянуться руками и потрогать иные миры, только вот улететь с облаками не могу до последней поры. Как положено, срок истекает и звезда напрямик упадет, потому что Земля отпускает, а высокая Родина – ждет.

Душа – неизменная величина, поэтому просто умри и воскресни: у мертвых свои колыбельные песни, которые слышу

на уровне сна. Уснувший во сне, возвращается в явь – туда, где, связуя концы и начала, во все времена от земного причала душа устремляется по небу вплавь.

Кладбище. Чугунная ограда на могиле божьего раба. Облака расплывчаты как правда и необратимы как судьба.

На задворках памяти короткой люди обустраивали рай. Тишина, разбавленная водкой, безотчетно льется через край.

На периферии христианства два тысячелетия подряд узники трехмерного пространства молча за оградами парят.

ДО ЗВЕЗДНОГО НЕБА И СУДНОГО ДНЯ

До звездного неба

и Судного дня судьба ничего не дает про запас, но в каждом из вас есть частица меня и я лишь частица любого из вас. Душа и природа

настолько близки, что соприкасаются накоротке; поэтому, даже судьбе вопреки, Я вижу любимую в каждом цветке. Любая фиалка

цветет на виду, и в ней отражается чья-то звезда, поэтому я никуда не уйду, и наша любовь не умрет никогда.

ПАМЯТИ БАБУШКИ

Пополудни выглянуло солнце – на пригреве инобытия около небесного оконца отдыхает бабушка моя. Натрудилась до седьмого пота, натерпелась ужаса, когда то война, то гиблая работа, то непоправимая беда. От земли до неба - путь неблизкий по ухабам времени, зато в юности была эквилибристкой в маленьком веселом шапито. Через окаянные метели и непроходимые леса цирковые лошади летели в эти голубые небеса. ...Пополудни выглянуло солнце слава богу, на закате дня около небесного оконца ожидает бабушка меня.

Не помню, какого числа, по воле какого синдрома дорога меня привела на место отцовского дома. Тут жили когда-то вдали от смутного гула эпохи, и вот - в придорожной пыли красуются чертополохи. Пока мы кому-то назло по этой земле колесили. как много воды утекло, как много домов посносили! Над нами плывут облака, и в них отражается детство. Конечно, земля велика, и всё-таки –

некуда деться...

Что остается на память о днях в бедном дому с перекошенной крышей и земляными полами в сенях, где танцевали веселые мыши? Время уходит почти напоказ – без промедления и остановки. Что остается на память о нас, кроме любви

и пустой мышеловки?

Жизнь уронила белые крыла и на подворье Ангела не вхожа. Печаль моя по-прежнему светла, но тень ее на Демона похожа.

Когда я просыпаюсь поутру, то не имею лучшего расклада. Жизнь коротка, поэтому не надо любить меня за то, что я умру.

Когда мы отправимся в царство теней, которые свет охраняют, окажется, что ни друзей, ни коней на этом пути не меняют: никто не умрет, никого не убьют, красивые лошади скачут, живые друзья на застолье поют и русские женщины плачут.

ВРЕМЯ СКАЗОК

За твою торопливую ласку в этой жизни военно-мирской, хочешь, я расскажу тебе сказку про любовь и про вечный покой? Время сказок – обычное дело; но расстанемся мы поутру, потому что свеча догорела. А потом я возьму и умру. Даже то, что пожизненно мучит отголосками сказочных снов, ничему человека не учит, кроме необязательных слов.

KNHO

Как будто на киноэкране, где жизнь прекрасна и легка – кататься на катамаране, валять на пляже дурака. В бору кукушка нагадала неимоверные года, а мы ушли из кинозала и не вернулись никогда.

Как по кругу циферблата дефилирует планета – я сегодня часть заката, ты сегодня часть рассвета. За горами, за долами, где желание пылает, между нашими телами ветер памяти гуляет. Остается поневоле – и глазами, и губами – столько радости и боли, сколько неба между нами.

CTPEKO3A

Как будто звезда Голливуда тебе заглянула в глаза – чешуйчатокрылое чудо, танцующая стрекоза. Откуда на русской равнине, где судьбы летят под откос, берутся такие богини с фасеточным взглядом стрекоз? Она заглянула случайно в таинственные времена, где жизнь коротка и печальна, когда улетает она.

ГРОЗА

Гроза – и только мы вдвоем: стихия небо сотрясала, но ты плясала под дождем – как ты, любимая, плясала!.. Когда гроза над головой по старой памяти гарцует, из каждой капли дождевой моя любимая танцует.

Иногда ночами снится и покоя не дает, будто молодости птица перелетная поет. Было времечко вначале, было дело да прошло – поперек былой печали много водки утекло. Годы в памяти маячат, и дорога далека, по которой птицы плачут и кочуют облака.

У птицы душа нараспашку, поэтому птица летает; а женщина курит взатяжку, вздыхает и слезы глотает. Ну, что за морока, ей-богу: живая душа нелюдима, а горькая плоть понемногу уходит колечками дыма. Какую печаль поминает, какую надежду лелеет? А птица поет и не знает, что женщина так не умеет.

Мы выживали времени назло, как все послевоенные подранки. Когда я становился на крыло, в меня уже стреляли из берданки. Не наших бьют и наших тоже бьют — я знаю птиц высокого полета, которые о Родине поют, а их за это из гранатомета...

МУРАВЕЙ

Галактика всегда наедине со всеми, кому не по зубам загадки бытия: что знает муравей

о Солнечной системе, что ведомо звезде

о жизни муравья? Планета своего пути не выбирает, поэтому летит по замкнутой кривой, а муравей сидит

и спичками играет на маленькой своей Земле пороховой.

БОГИ, ЛЮДИ, МУРАВЬИ

Небеса населены богами, а внизу - по контуру земли бегают короткими ногами бедные, как люди, муравьи. Обитая прямо по соседству, зная друг о друге без прикрас, мы похожи, если приглядеться, только боги разные у нас. Говорят, мы созданы из глины, остальное не про нашу честь, но в моей повадке муравьиной что-то человеческое есть. И пока мы делим крошки хлеба, принимая их за божий дар, в апогее солнечного неба боги дегустируют нектар.

Если мир устроить набело – без наветов и химер – каждый будет вроде ангела, даже муха, например. Станут все морально стойкими, благодушными сполна, и за нами с мухобойкою будет бегать сатана.

САПОГИ

Мой дед о заоблачных высях мечтал, не зная, что в небе воды через край – ботинки промокли, пока он плутал по тем облакам, за которыми рай. Когда мне наскучит на этой земле, когда по воде разойдутся круги, я буду летать на двуглавом орле и всем поголовно куплю сапоги.

ABFYCT

С. Строканю

Удивительная пора обретения и утрат: стол накрыт посреди двора дыни, яблоки, виноград... Это август. И что с того, что ни в будущем, ни в былом не останется никого из пирующих за столом. По Вселенной, куда ни кинь, разольется наверняка одуряющий запах дынь из далекого далека. Время путает адреса, но от лета на волосок заблудившаяся оса пролетает наискосок.

У АДМИРАЛТЕЙСКОГО ПРИЧАЛА

От Адмиралтейского причала отплывает белый катерок. Если бы я начал жить сначала, плавал бы и вдоль, и поперек.

Если человек уходит в море или даже просто по реке, непременно ждет на косогоре девушка в узорчатом платке.

Чайка без печали прокричала, ветерок по памяти летит, у Адмиралтейского причала катерок последний тарахтит.

Время не отпустит на поруки – сердце успокоится на том, что махала с берега разлуки девушка узорчатым платком.

Под занавес Лета Господня тепло не дается в кредит. На русской равнине сегодня рассерженный воздух гудит. Я чувствую, как поневоле природа сдается «под ключ» и мечутся ангелы боли, и молнии мечут из туч. Душа в дождевой паутине состарилась и замерла.

Сегодня на русской равнине кончается время тепла.

ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ

Памяти Е. Блажеевского

На холме за Акатовым монастырем я совсем неспроста замечаю сегодня эту грань между августом и сентябрем, полосу отчуждения

Лета Господня.

Всё, на что не хватило души и ума, не хватило решимости нынешним летом, в сентябре ускользает по склону холма до реки, за которой...

не будем об этом.

Что мы знаем о тех, кто на том берегу, что я помню о тех, кого знаю сегодня, безоглядно ступая на каждом шагу в полосу отчуждения

Лета Господня?

СЕНТЯБРЬСКОЕ

Вы сегодня тоже замечали, как на разгулявшемся ветру листья танцевали без печали и светился воздух на ветру?

Наша жизнь идет по назначенью, обретая смысл благодаря этому недолгому свеченью воздуха в начале сентября.

Когда собираются вместе бродяги, уже догорает закат и тусклое солнце из меченой фляги по жилам течет наугад. Пока оживает душа понемногу, томящаяся взаперти, они обязательно пьют за дорогу – иначе не будет пути. Огонь разгорится, судьба отзовется да только в глаза не глядит. Они провожают закатное солнце, и пепел до неба летит.

В ЛЕСУ

В лесу, где кроны шелестели желто-фиолетовой листвой и птицы сказочные пели над непутевой головой, подумалось о том, что лето вернется только через год и песня молодости спета, по мере наших непогод.

У птицы пестрая окраска, в лесу не холодно пока, но сказка потому и сказка, что кончится наверняка.

ВОРОБЫШЕК

Жена заплачет, ангел отвернется, и за душой не будет ни копья, когда на сердце будто встрепенется простая птица вроде воробья. Она свободно крылышки расправит, и медики руками разведут, а кто-нибудь из космоса представит земную жизнь за несколько минут. Душа бывает праведной и грешной, но всякий раз, у жизни на краю, чирикает воробышек сердешный бесхитростную песенку свою.

ОДИССЕЙ

По морю потерянных дней, где время течет как вода, куда-то плывет Одиссей – до срока неважно, куда. Герои воюют и пьют, герои не верят словам, но песни Гомера поют Сирены по всем островам.

Я драхмы менял на рубли в таинственном царстве теней, и плыли мои корабли по морю потерянных дней. Я Трою сожгу за собой и выйду живым из огня навстречу Гомеру – слепой старик не узнает меня.

ГЕКТОР И АНДРОМАХА

Андромаха прощается с мужем – он идет на большую войну за какую-то малую сушу, как водилось у них в старину. Гектор спешится и улыбнется – меланхолии нет и следа, только он никогда не вернется, не вернется уже ни-ког-да.

Что-то в жизни людей неисправно, если мир утверждают войной, и опять голосит Ярославна на высокой стене крепостной. Я не знаю, что будет в дальнейшем, сколько мы возведем крепостей на слезах обезумевших женщин, на крови нерожденных детей.

Андромаха прощается с мужем...

У возраста странная мера: по памяти время храня, я, может быть, старше Гомера, но Лермонтов старше меня.

Наверное, скоро наука откроет великий закон, и дед, опекающий внука, узнает, что внук – это он.

И, всё повторяя сначала, выходишь из мрака на свет, а женщина ждет у причала, наверное, тысячу лет.

Законы любви и природы всегда утверждают одно: какие бы ни были годы, любимым стареть не дано.

Все мы понемножечку волхвы – удивляться этому не надо: шелест облетающей листвы слышен накануне листопада. Человеку загодя дана слуховая чуткая мембрана, и, когда на кухне тишина, только время капает из крана. Угадаю ли наверняка роковую дату невозврата, слушая, какие облака пролетают в сторону заката?

ЛИСТЬЯ

1

Не видно стрижей и не слышно цикад – похоже, веселая песенка спета. Как быстро,

как быстро кончается лето и желтые листья летят на закат. Осенние листья надежды благой – мы здесь ненадолго и, зная об этом, летим до заката,

а перед рассветом очнемся уже на планете другой.

2

Никому не хочется стареть, отрясая листья на морозе. Сколько тебе, тополь, зеленеть? – Не намного дольше,

чем березе.

Время возвращается на круг, листья станут воздухом и глиной; птицы, улетевшие на юг, не увидят смерти тополиной.

ОСЕННИЙ РОМАНС

То одни, то другие проблемы... Время за полночь, а за окном отцвели уж давно хризантемы, как поется

в романсе одном. Погляжу на пустую аллею, разолью по стаканам печаль – если я о любви не жалею, то себя

и подавно не жаль.
Осень шьет на суровую нитку,
осыпаются календари –
отвори потихоньку калитку,
а потом

за собой затвори.

НОЧНОЙ БЛЮЗ

Уже задремал Париж и в Лондоне спать легли; я слышу, как ты молчишь на той стороне Земли. Включаю «Европу-плюс» и заново жгу мосты, когда заиграет блюз, который любила ты. Пока на виду луна, похожая на лаваш, и блюзовая волна раскачивает Ла-Манш, я вижу твое окно, горящее до утра, хотя на Земле темно и матерно со двора.

Облетел наш сад... Из романса

Сад облетел, а песенка не спета, и вот уже, который день подряд, идет услада солнечного света и листья под ногами шелестят. Казалось бы, суровое ненастье пока не прогнозируется, но увековечить маленькое счастье по жизни человеку не дано. Какая ночью музыка тревожит, какая Муза плачет на плече? – В действительности счастлива, быть может, одна пылинка в солнечном луче.

ЧТО Я ВИЖУ ИЗ ОКНА?

Что я вижу из окна? три-четыре деревца да кирпичная стена до победного конца. Листья у меня в окне опадают точно в срок, что напишут на стене, знаю вдоль и поперек. Видно, так заведено, чтобы горе не беда, и поэтому окно я не мою никогда.

Во дворе,

где мусорные баки, мимо нашей вечной суеты бегают веселые собаки и сентиментальные коты. Кто кому сегодня безразличней, я не понимаю, но с утра лица у животных симпатичней, чем у многих жителей двора. Наша свалка – вроде хоровода на потеху кошек и собак. ... Что за жизнь без мусоропровода? – Извините,

если что не так.

COEAKA

Л. Миллер

...А в детстве у меня была собака. Забавно затаившись в конуре, она ждала условленного знака, чтобы возню затеять во дворе. Она меня бесхитростно любила в своем уединении цепном, и до чего же весело нам было в одном дворе и в возрасте одном!

Со временем собака одряхлела и не рвалась навстречу с поводка, а детская душа моя болела за то, что жизнь собачья коротка. И, словно понимая чувства эти, она меня жалела, потому что мне еще так долго жить на свете, – так долго жить на свете одному...

Кобель ютится под забором – ни конуры, ни крыши нет, но часто снится дом, в котором он жил всего-то пару лет. Собрав закуску по сусекам и выпивая двести грамм, хозяин с ним, как с человеком, беседовал по вечерам. Перепадали хлеб да сало от пенсионного рубля... Потом хозяина не стало и разогнали кобеля. Он подыхает под забором, и скоро ангел заберет в большой и вечный дом, в котором хозяин ждет. Хозяин ждет.

ПИЛИГРИМ

Всегда не хватает любви и тепла: последний поэт коктебельской эпохи живет на какие-то жалкие крохи, живет на подачки с чужого стола. Что гений? – убыточное ремесло: немного бомжует и много бичует, с оказии в теплоцентрали ночует и хочет уехать туда, где тепло. Среди вавилонских и русских земель петляет во мраке тропа пилигрима, который мечтает добраться до Крыма, где ждет не дождется его Коктебель.

CUMOHOB

Поэту Симонову было тогда не больше тридцати: весна цвела, жена любила, у поколения - в чести. У времени свои законы: его лирический герой носил армейские погоны и портупею с кобурой. По ходу лет, на удивленье, менялись люди и миры жена ушла и поколенье помалу вышло из игры. Настало время одиночек, седого дыма без огня, и больше не случилось строчек пронзительнее: «Жди меня...» Война списала на потери все категории добра, и на потертой портупее висит пустая кобура.

AHTYAH

Антуан де Сент-Экзюпери был пилот, писатель и пижон – черт его за это побери, потому что перся на рожон. Этот невозможный Антуан – даром, что писатель и пилот, часто опрокидывал стакан и летал, забыв про самолет. Улетел и сгинул без следа между небом и Па-де-Кале. Маленькие принцы никогда не живут подолгу на Земле.

АЙСЕДОРА

Иногда по ночам на погосте туман и гуляет нечистая сила. Айседора Дункан, Айседора Дункан, ну, зачем ты его полюбила? Босоножка, на кой тебе эта Москва и поэзия русского хмеля, золотые слова и дурная молва, ритуальные танцы метели? Целовала порывисто и горячо по завету свободы и плоти, а потом перекинула шарф за плечо, потому что судьба на излете. Всё на этой земле волшебство и обман, быль и небыль, любовь и могила. Айседора Дункан, Айседора Дункан, ну, зачем ты его полюбила?!.

Фонарь у дежурной аптеки, поставленный как оселок... Ах, люди мои, человеки, что вам обезумевший Блок? Что вам современные скифы, готовые к бою с утра, чужие печали и мифы, когда на работу пора? У вас грандиозные планы и замыслы, благодаря тому, что «духи и туманы» решительно до фонаря!

Видно даром не проходит шевеленье этих губ...

О. Мандельштам

От немыслимого чуда, коему названья нет, и до той поры, покуда существует белый свет, может статься, недалече. Но от века – там и тут – по этапу русской речи нас конвойные ведут. Оттого что уязвимы наши души во плоти, все пути исповедимы, кроме крестного пути. Что написано – прочтется: век на почести не скуп и воистину зачтется шевеленье этих губ.

DEPENUTURAS EXHIPLA

Г. Умывакиной

Когда вас покидает благодать и нет обетования в Отчизне, какое счастье Бунина читать и через это возвращаться к жизни. Нам выпало укорениться в ней, перечитав урочные страницы, и через призму окаянных дней увидеть человеческие лица.

ИСТОРИЯ

Наверно, во все времена понятно любому народу: история – это цена, заплаченная за свободу. Мы часто платили вдвойне, порой головы не сносили, поэтому правда в цене по всем закоулкам России. Спасибо за нашу страну свободному русскому слову – Радищеву, Карамзину, Ключевскому и Соловьеву.

Старик, похожий на пророка, читает книгу без конца, и время прячется до срока в морщинах этого лица. Когда видения и звуки сошлись на уровне Земли, его натруженные руки поверх истории легли. Всё неизбывное мгновенно и возвращается на круг, но время вырвется из плена и книга выпадет из рук.

Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. *Н. Гоголь*

...Русский вопрос не имеет ответа даже во сне. Проклиная судьбу, ты просыпаешься после банкета, перевернувшись, как Гоголь в гробу. Что за дороги на русской равнине! все до единой по краю земли. Господи, нас провели на мякине, но и тебя заодно провели: ты просыпаешься, перебирая смутные образы и времена... Гоголь стоит за воротами рая и ухмыляется, как Сатана.

РОДИНА

По твоим заповедным местам воронью хороводить не внове – настоящая Родина там, где земля почернела от крови. Сколько горя ты видела днесь, сколько ведала зла и неволи – оказалось, что Родина есть в ощущении страха и боли. Измеряю пространство на глаз, а душа не имеет предела – это значит, что Родина в нас, остальное – нехитрое дело.

Памяти Л. Аннинского

Не избами, не сеновалом и не перегаром печали – Россия пропахла вокзалом, где мы провожали, встречали; где были победы, обиды, разводы на лагерных зонах и где посейчас инвалиды поют на холодных перронах. А мы в привокзальном буфете сидим посредине Отчизны, как будто никто не в ответе за все инвалидные жизни.

ЗА ПАРУ ДНЕЙ ДО РОЖДЕСТВА

За пару дней до Рождества, прогуливаясь возле дома, я встретил русского волхва, бегущего из гастронома. Какие звездные миры ему провидятся в тумане, какие чудные дары лежат во внутреннем кармане? Он остановится, когда пересечемся временами, и Вифлеемская звезда закупоросится над нами.

Не знаю, кто меня по жизни опекает. за что и почему даю стране угля, когда наперебой зовут и окликают седые облака и горькая земля. Здесь пили мужики и бабы голосили. душа моя жила с другими наравне. Не так уж важно, как я отношусь к России, важнее, как она относится ко мне.

СПЯЩАЯ ЦАРЕВНА

1

Вчера еще листья летели и не замерзала вода, а нынче повсюду метели и сказочные холода. По всем закутам и застрехам зима разослала конвой – Россию засыпало снегом.

Но это для нас не впервой.

2

Когда на земле холода и стынут слова на морозе, Россия под коркою льда находится в анабиозе.

Как будто в хрустальном гробу царевна из мира иного лежит со звездою во лбу и ждет поцелуя земного.

Памяти В. Шаламова

Там, где косматые ели знают секреты земли, ходят по кругу метели стрёмные, как патрули. Там ледовитые реки прячут остатки тепла в дереве и в человеке на сердцевине ствола. Там, невзирая на климат, стелется по небу дым; мертвые срама не имут – срам остается живым.

Снег на улице скоро растает, а любовь не жива не мертва. Неужели

души не хватает на такие простые слова? Но пока убивают, ломают, распинают и рвут на куски: почему-то

земли не хватает для того, чтобы жить по-людски. Ну, а если душа не оттает, человек навсегда на войне – к сожаленью,

судьбы не хватает, чтобы жить и любить по весне.

Жизнь ускользает понемногу и обрывается на раз. Что остается по итогу на белом свете после нас? По человеческой природе, среди березок и осин, зарегистрированы вроде и дом, и дерево, и сын. Иду по жизни без рефрена и знаю, что наверняка от Мендельсона до Шопена дорога очень коротка. Затертый адрес на конверте легко читается во сне, и для преодоленья смерти любви достаточно вполне.

Листая последние дни февраля, залетные ветры по-птичьи поют, уже по-весеннему пахнет земля и кажется,

что никого не убьют. Мы просто живем накануне весны, плывем по течению талой воды и до смерти верим в красивые сны весенней земли

и высокой звезды.

Душа, летящая как дым от прогоревшего костра, меня запомнит молодым и развеселым до утра. Всё, что не стоит ни гроша за человеческой судьбой, моя веселая душа запомнит и возьмет с собой.

ПОСВЯЩЕНИЕ

По жизни привыкаешь ко всему, но в русле повседневной суеты завидовать не стану никому: всё потому,

что у меня есть Ты. Порой бываю хмур и нелюдим, и с логикой бываю не в ладу, но засыпаю с именем Твоим и только с этим именем уйду.

МАЛЕНЬКАЯ МУЗЫКА ЗЕМЛИ

Я во Вселенной разбираюсь слабо: но, как свою планету не хвали, есть музыка вселенского масштаба и маленькая музыка Земли. Она летит, пути не разбирая, перевирая свой диапазон; а музыка, которая из рая, случайно попадает в унисон. По недосмотру или по ошибке, но в партитуре утренней зари моя любовь солирует на скрипке и согревает космос изнутри.

МУЗЫКА

Может быть от Рождества Христова повелось - и, как ни назови, музыка рождается от слова и живет поэзией любви. По законам звукоизвлеченья и по голосам клавиатур мы выходим, как из заключенья, на свободу вечных партитур. Как бы нам судьбу не отмеряли, но - и через десять тысяч лет человек, сидящий у рояля, по определению - поэт. Он играет, не предполагая, что на траектории иной тишина звучит, изнемогая от любви и музыки земной.

На перекрестке судеб и дорог я огляделся вдоль и поперек: земля поката, а душа крылата. Я видел свет небесного огня, который завораживал меня, и говорю на языке заката.

Пора усвоить истину одну, что высота уходит в глубину, где наша боль и вечная потрава. Мы не имеем права убивать и не имеем права умирать – на остальное мы имеем право.

Так устроено в душе и в природе: звезды шлют безукоризненный свет, а на Землю понемногу доходит свет, которого давно уже нет. Зеркала по кругу ловят движенье, человеческую память храня, но зеркальное твое отраженье – это музыка вчерашнего дня.

Мы поверили в свое совершенство, но застряли в лабиринтах эпох, где уже отражены и блаженство, и последний человеческий вздох.

ГОРОД

Город на глобусе не различишь: малозаметная точка, всего лишь – даже Лос-Анджелес или Париж. Или Воронеж.

Каждый по-своему плох и хорош, в каждом свои тараканы и крысы; куча забот, а любви ни на грош – баксы да визы.

Глобус однажды сотрется в труху, время окрысится – и не догонишь. Выгляну в небо, а там, наверху, тоже Воронеж.

Батареи, не веря весне, понемногу тепла добавляли. Я фрамугу открыл на окне сквозняки

по квартире гуляли.

Очертания прошлого дня исчезали по мере заката; разве, милая, ты виновата, что весна разлюбила меня? А тебя

унесло

сквозняком, но пропахли твоими духами три звезды над моими стихами и над выморочным коньяком.

Они звучат из года в год – от колыбельных до венчальных. Я думаю, веселых нот у жизни больше, чем печальных. И, как беда не тяжела, как бы душа не трепетала, у поминального стола задерживаться не пристало. Всему на свете свой черед – печаль уходит понемногу. Я думаю, веселых нот у жизни больше, слава богу.

CNPEH

Ночные запахи сирени весь день гуляют по судьбе. От мандельштамовской мигрени ты опротивел сам себе.

По счастью, самосуд не вечен и можно что-то наверстать, особенно когда под вечер приходит женщина под стать.

Наутро в загородном доме сиреневатая тоска и хочется чего-то, кроме цветка

в четыре лепестка...

ЦЫГАНСКОЕ

Танцуют звезды, бренчат мониста, вино в стакане. дыра в кармане; душа свободна, а поле чисто на все четыре идут цыгане. Любовь не ищет пути земного, ее орбиты не в нашей власти. ...Я помню искры костра ночного и помню кудри цыганской масти. Когда гитара почует волю, когда запляшут в стакане черти, гуляй, чавалэ, по чисту полю от вечной жизни до млечной смерти!

ГАДАНИЕ

Цыганка на историю гадает и видит, что расклады таковы, поскольку человечество страдает нимфеточной болезнью головы.

Пиликает случайная шарманка, и время превращается в золу. На что еще надеется цыганка, раскидывая карты по столу?..

Сколько жил на белом свете, сколько весен пропахал и ни разу на рассвете жаворонка не слыхал. Во саду ли, в огороде полон рот иных забот – в окружающей природе не хватает чистых нот. Я от многого завишу по судьбе и по уму: жаворонка не услышу – человека не пойму.

ПУШКИН

Пушкин...
Какие еще имена
символизируют наше гражданство? –
Он остается на все времена
в координатах иного пространства.
Как ни пытайся добраться туда,
как ни заламывай пальцы до хруста,
в русской поэзии будет всегда
место, которое свято, но пусто.

КЛАССИКА

Российская провинция в классическом синдроме:

Сегодня ей столичные дела не по плечу, хотя на каждой паперти и в каждом гастрономе – герои Достоевского. Про Гоголя молчу. Хотя бы за Тургенева не худо разобраться: по недоразумению, который век подряд, тургеневские барышни стыдливо матерятся, Инсаровы спиваются, Базаровы хандрят.

2

Я читаю Льва Толстого, «Ревизора» и «Му-Му» и настолько верю в Слово, что не верю никому. Русская литература — это мера естества. Или — камера обскура и немного Божества.

Мы остаемся ополченцами не всеми преданного Слова. Ю. Кублановский

Предавать у нас не внове – попросту, наверняка.
Так о чем, бишь, я? – о Слове, что не предано пока.
Кажется, такая малость, но идет неравный бой: нас всего-то и осталось – ты да я, да мы с тобой.
Непохожие во многом, до последнего стоим – мы в ответе перед Богом за дарованное Им.

БАБОЧКА

Вселенной абсолютно всё равно, кому летать по небу в ореоле, а чья душа загнется поневоле, как бабочка,

влетевшая в окно. Казалось бы, живое существо – но, походя, кончается веселье и бабочки домашнее похмелье в природе

не меняет ничего.
Она топорщит слабые крыла,
предполагая выглядеть прилично,
а на нее взирает безразлично
Вселенная

из каждого угла.

Судьба ведет неторопливо по свету белому, пока дорога не придет к обрыву, под ним – великая река. Пока темнеет понемногу и расползается туман, забудь обратную дорогу – река впадает в океан. Она увиливать не вправе, но человеку невдомек, зачем на дальней переправе уже мерцает огонек...

ДОРОЖНОЕ

Район почти неузнаваем: куда-то едем не спеша и с аппетитом выпиваем, поскольку водка хороша. Предполагаю, что в итоге всего надежней и верней жить ощущением дороги среди танцующих огней. – Душа! – сойдя с хорошей трассы, живи и Бога не гневи, когда закончатся запасы бензина, водки и любви.

В Петровском парке ночь наполовину: по светлой стороне земного шара еще летает, выгибая спину, космическая музыка из бара. На темной стороне моей планеты тяжелая десница самодержца, забытая мелодия для флейты и что-то сволочное возле сердца. У каждого своя головоломка, поэтому сижу при лунном свете. А за полночь подходит незнакомка – немного никакая, но в берете.

В этом городе областном даже воздух уже не тот... Липа старая под окном от усталости не цветет. Мы состарились вместе с ней – устаканились, отцвели.

Но в один из осенних дней – на оставшиеся рубли – я возьму проездной билет в тот июнь, где, дыша тобой, осыпается липов цвет по-над городом и судьбой...

НЕДОЛГАЯ ЛЮБОВЬ

Волна нахлынула,

потом отхлынула – остались камешки на берегу, любовь недолгая была да сгинула, но позабыть о ней я не могу. Гуляет по небу шальная молния и отражается в речной воде, ушла вдоль берега любовь недолгая и не встречается уже нигде. Моя недолгая любовь не сбудется – она развеется, как на ветру, но отражение в реке заблудится и не забудется,

когда умру.

...И понял вдруг, что я умру: сегодня, завтра – суть не в этом – уйду из мира на миру и стану тенью или светом. Тепло родного очага и боль мою забуду вскоре, как забывает берега река, впадающая в море...

Я жил сомнительно и слепо – дороги побоку вели, но молния упала с неба, а тишина – из-под земли. Я понял это напоследок и видел молнию во сне, когда потомок мой и предок еще не умерли во мне. Выходит, есть на свете сила, помимо кровного родства, которая провозгласила свои наследные права.

В ОЖИДАНИИ ЧУДА

По ночам,

когда Синяя птица принимает обличье совы и копытами в сердце стучится лошадь Всадника без головы, я лежу

в ожидании чуда, но, покуда планета во мгле, – громыхает пустая посуда и летает жена на метле.

Посреди великого простора, вспоминая дальнее родство, кто меня окликнул? – кроме Бога, не было на свете никого. Только ветры буйные летали в этом историческом раю, только звезды на горизонтали рисовали Родину мою. Много дров по жизни наломаю, но – через пространства и года – всё, что я сегодня понимаю, было надиктовано тогда.

Г. Умывакиной

Не только тревоги и страхи по русской равнине снуют, но даже веселые птахи порой безоглядно поют. И вот выпадает минута, когда неспроста и не вдруг – веселая песня как будто, а женщины плачут вокруг. Поет необычная птица, и Родина тоже поет, а нам суждено веселиться и плакать о ней наперед.

МЕЖДУ НЕБОМ И РЕКОЙ

1

Всё когда-нибудь кончается: время, деньги и покой, и звезда моя качается между небом и рекой. В тишине мерцают ласточки, тени кружат по воде, и трепещут крылья бабочки, прикоснувшейся к звезде.

7

Мы стояли на причале, а по воздуху плыла слюдяная тень печали стрекозиного крыла. Наше лето догорало, пропадая ни за грош; где-то музыка играла, но слова не разберешь. За рекой ходили грозы по Калинову мосту, перелетные стрекозы молодели на лету. Мы стояли у причала, на краю добра и зла – что за музыка звучала, что за песенка была?..

СЕРЕДИНА ЛЕТА

Улеглись тополиные вьюги, и осыпался липовый цвет, но пока за душой и в округе ни багрянца, ни золота нет. Поневоле играя словами, по колено в узорной тени, долго тянутся меж деревами заревые, погожие дни. Существует такая примета, по которой сужу наугад: далеко ли до бабьего лета через этот заброшенный сад. Я могу рассказать на досуге о любой из осенних примет, но пока за душой и в округе ни багрянца, ни золота нет.

ДЗИНТАРИ

Ободзинская песня в транзисторе по железной дороге вела электричкой до станции Дзинтари, где красавица Вия жила. Под шальными балтийскими звездами, над моей непутевой судьбой танцплощадку за старыми соснами раскачал окаянный прибой. До чего же красиво танцуется на еще не забытый мотив, и пожизненно где-то волнуется нестареющий Рижский залив.

По окоему туманов снова пришел, наконец, месяц колючих каштанов и заполошных сердец. Лето почти на излете: поторопись угадать пряные запахи плоти малую, но благодать. Пуще любви и неволи время летит по кривой по траектории боли за окоем дождевой. Нам уготована участь благословить, уходя, запах травы и певучесть августовского дождя.

КОКТЕБЕЛЬСКАЯ ОСЕНЬ

По всему побережью погода в миноре, за душой ни гроша – золотая пора. Коктебельская осень выходит из моря, как Венера выходит из бара с утра. Угорелое время проносится мимо и гуляет, не выше больной головы, пряный запах вина и шашлычного дыма, так похожий на запах горящей листвы. Лишь один катерок тарахтит у причала, увозя отдыхающих прямо туда, где Антонов поет, как ни в чем не бывало, и не кончится лето уже никогда.

Ю. Мориц

Когда мы были молоды, когда ни боли, ни любви не замечали, ты отпустила душу навсегда на все четыре стороны печали. Куда ни глянь – чужая сторона. По всем законам суетного мира, за горизонтом боли – тишина, похожая на облачко эфира. Никто не возвращается, пока реальность, опрокинутая снами, по-своему печальна и легка, как облако,

покинутое нами.

Ну, вот и закончилось лето, недолгое в нашем краю. Под небом осеннего цвета среди листопада стою. Нетрудно понять с полуслова, что этой печали под стать: Есенина или Кольцова в такую погоду читать. Уже безоглядно русея, на круге печали земной, Сергея, потом Алексея цитирую, как заводной. По русской печали осенней, на долгие лета вперед остались Кольцов и Есенин а всё остальное пройдет.

Там, где ночь в переулках петляла по кругам жития-бытия, в комсомольском прикиде гуляла соловьиная юность моя. Сколько было всего! – не упомнишь: по воде разбежались круги, на корню изменился Воронеж, постарели друзья и враги. Мы уйдем проходными дворами – по недолгой осенней поре – в тишину, где поют вечерами соловьи

на Острожном бугре...

Любовь начинается как листопад, кончается – пуще неволи: наивные листья покорно летят, как желтые ангелы боли. Куда мы уходим от наших сердец, какие следы заметаем, о чем вспоминаем, когда, наконец, до самой земли долетаем?..

Прикольных дней и юношеских лет уже и след пропал за поворотом – я поумнел на десять тысяч бед. Но лучше быть последним обормотом, последним лохом в собственном соку, чем комендантом личного барака, ловящим на оставшемся веку цепные отголоски Пастернака.

Давным-давно, в реальности иной, существовала мнимая свобода, и женщина, придуманная мной, была неприхотлива, как природа. Она спала и видела во сне забытое легко и торопливо: старение на медленном огне и молодость зеркального разлива...

ВРЕМЯ

Не подвластное словам, не ушедшее в песок, время бьет по головам и сквозит наискосок. Только полный идиот измеряет на года, ибо время не идет ниоткуда никуда. Это мы, дружок, идем, убеленные Луной, в ореоле идиом по спирали временной.

O, Русь моя!.. Жена моя!.. А. Блок

Ты стоишь передо мной, не жива и не мертва. Блок назвал тебя женой – целый век уже вдова. И за эту сотню лет не однажды грянул гром; столько было всяких бед, что ни в сказке, ни пером. Ты – на линии огня. А когда назначен срок, чтобы вышла за меня – знает Александр Блок.

ОДИНОКИЙ ВЕЛОСИПЕДИСТ

Заповеди осени заучены, над водой кружится желтый лист. Уезжает вдоль речной излучины одинокий велосипедист. У него глаза невероятные, словно под колесами легли все мои тропинки листопадные, все дороги поперек земли. Для чего рулить вокруг да около в дальние случайные края велосипедисту одинокому, за которым Родина моя?..

НОЧНЫЕ ПИСЬМА

Как человеку не сойти с ума от собственной печали и отваги? – в такую ночь – рассудочная тьма и пляшущие буквы на бумаге. Молчит кровать, уснувшая в углу, застеленная нехотя и наспех, а женщина, присевшая к столу, кому-то снова пишет, курам на смех. Как долго ей по жизни вековать, не помечая адрес на конверте; считая, что скрипучая кровать не создана для страсти или смерти?

Метафорическая мгла прописана в дому, где бабушка моя жила немного лет тому. Гляжу из черного окна, чердачного окна, как удаляется она и горбится она. А где-то в глубине двора мелькнула тень отца, и утонувшая сестра спускается с крыльца. Ия, незримый до поры, к порогу-рубежу немного позади сестры из дома выхожу...

НА МОГИЛЕ СЕСТРЫ

Что-то было, что-то сплыло по течению беды... А сестра моя любила соловьиные сады. Понимаю понемногу, что ее влекло туда, где земля открыта Богу, да и горе не беда. В этой жизни слишком краткой, чтобы слушать соловья, Бог живет за той оградкой, где лежит сестра моя.

НА ПОГОСТЕ

Тут у каждого оградка: лузер ты или герой, только никому не сладко вековать в земле сырой. Мелкий дождик еле-еле долетает до земли. Жили-были, пили-ели, а потом костьми легли. На кресте сидит ворона, на другом еще одна – круговая оборона летаргического сна.

Если начинается война, даже во вселенском зале славы солнце надевает ордена, ради человеческой забавы. Можно всех врагов перестрелять и не разобрать, в какие сроки солнце поворачивает вспять и перегорает на востоке.

MOPHEX

Неукротимый гвардии морпех держался до последнего стакана. За что он пил? – за Родину, за тех, кто не вернулся из Афганистана, за гвардию... И всё бы ничего, да никогда не ладил с тормозами, и смерть уже взглянула на него пронзительными наглыми глазами. ... Мужчины погибают с бодуна, а женщины уходят по-английски. За музыку заплачено сполна – как у Ремарка в «Черном обелиске».

Со студенческой скамьи, веруя в свободу слова, погуляли на свои, а потом гуляли снова. Шла такая кутерьма, так историю ломала, что поэзия сама ни черта не понимала. Со стихами из горла и слезами наготове разве Родина могла удержать на полуслове? ...Рифмовали вопреки, выпивали понемногу, но по лезвию строки погуляли,

слава богу!

KOMHATA CMEXA

На фоне большого успеха и резкого роста продаж я вспомнил

о комнате смеха, которая вышла в тираж. Былая реальность избыта – живем и не паримся, но в зеркальной поверхности быта реальное искажено. Умельцы зеркального цеха шлифуют астральный прогноз, поэтому

комната смеха становится комнатой слез.

ПОД ОДЕЯЛОМ

В человеке света мало как бедняге не коптить? Он залез под одеяло, чтобы вовсе не светить. Аккуратный обыватель и мочалок командир нажимает выключатель, отключая божий мир. У него под одеялом офигенная страна самолюбия навалом и гордыни до хрена. Он в дозоре и в секрете, не выходит в Интернет и мечтает о планете, на которой света нет.

POMAHC

О чем красавица поет, когда наедине с гитарой она себя не узнает ни в зеркалах, ни в песне старой? Через открытое окно струится время эфемерно, а в комнате уже темно, томительно и парфюмерно. Кто угадает наперед, узоры струн перебирая, какую песню запоет, слова любви перевирая?

Она не молода, но моложава. Чем далее по жизни, тем верней, Вертинский, Северянин, Окуджава по вечерам захаживают к ней. Как водится, виниловые диски, шампанское с ликером пополам, и прошлое гуляет без прописки по хрусталям, коврам и зеркалам. Какие тени кружат горделиво, какие тайны время сторожит – и молодость зеркального разлива на амальгаме памяти дрожит.

Не за морями и не за горами, прямо в соседнем подъезде жила. Ты прибегала ко мне вечерами – много смеялась и мало пила. Надо же было такому случиться в этом пространстве и времени, но так залетает случайная птица через открытое настежь окно. Жизнь развивается не по Шекспиру, а по фактуре пейзажа в окне: вскорости ты поменяла квартиру и прилетала уже не ко мне.

СТАРИКИ

Назло болезням или стрессам, назло печалям и нужде они толкутся по собесам, не понимая, что и где. Одни приходят с орденами, дабы узрели за версту, другие просто костылями выстукивают пустоту. Всю жизнь работали на Кафку и получали по труду, а надо в рай представить справку, что родственников нет в аду.

НА ПЕРРОНЕ

Когда на перроне сухая листва шелестит, а наши слова и надежды растрачены попусту, Земля одиноко в осеннее небо глядит, как женщина смотрит вослед уходящему поезду. За далью своих световых и беспамятных лет звезда фонаря на последнем вагоне качается. Составы уходят, а женщины машут вослед, и время надежд на Земле никогда не кончается.

Сколько листвы под ногами, столько любви за душой – топчут ее сапогами на переправе большой. Только паром от причала не увезет за моря: долго ли нам, от начала осени до ноября? Прошлое ходит кругами прямо по кромке воды – сколько листвы под ногами, столько любви и беды.

НОЧЬ

Млечный Путь пересекая, пролегла дорога в рай. По округе мгла такая, что ложись да помирай. Ночь играет в аты-баты у Калинова моста. Разве люди виноваты, что не видят ни черта? Салютуя нашей славе, где-то ангелы поют, а враги на переправе похмелиться не дают.

ТРАМВАЙ

Я ничего не забываю – ни понарошку, ни всерьез. Как я скучаю по трамваю, который в будущее вез! Он дребезжал как ненормальный, систематически пыля. по улочке провинциальной, где закругляется земля. Мои товарищи-погодки, со скоростями не в ладу, не дожидаясь остановки, выпрыгивали на ходу. Я тоже соскочил с подножки. перемахнув через года. Трамвай уехал понарошку и не вернулся никогда.

Если долго вглядываться в лица стариков, то можно угадать: старость перед смертью молодится, чтобы по достоинству предстать. А на берегу суровой Леты ни глаза, ни звезды не горят, потому что внешние приметы ни о чем уже не говорят. Как же напоследок удается сохранить достоинство, когда ничего тебе не остается, кроме боли, совести, стыда?

Ангел мой, для чего мы живем в ожидании мора и глада? – отпусти меня петь соловьем на окраине райского сада! Чтобы время текло по ладам и сияла звезда на востоке, чтобы души, забытые там, полагали, что не одиноки...

В этом доме холодно зеркалам и душа певучая замерзает: то ли эхо прячется по углам, то ли страх из погреба выползает. Эта боль, зажатая в кулаке, поминутно вглядывается в лица. ...Книга Судеб где-то на чердаке, никому не ведомая, хранится.

COH

Птица низкая, небыстрая – до нее рукой подать, а на расстояньи выстрела даже пули не видать. Грани воздуха алмазного поневоле отсекли то ли гром от неба ясного, то ли небо от земли. Только птица неубитая всё летит наперерез отражению, забытому на краю моих небес.

До небес далеко, но далекое - рядом; всё у нас по судьбе, да не всё на мази. Надоело петлять между раем и адом, увязая по сердце в окольной грязи. Мы привыкли петлять по разбитым дорогам, измеряя на глаз окаянную тьму. Сколько можно стоять перед Господом Богом и не видеть Его и не верить Ему?..

Красиво гуляли,

прикольно острили, пока не раздался последний звонок; о судьбах Отечества мы говорили, покуда земля не ушла из-под ног. Прикольно острили,

красиво гуляли, но за поворотом теряется след. Во многая мудрости много печали – печали до черта,

а мудрости нет.

Какой феерический снег новогодний, летящий по небу, как звездная карта! Попробуй увидеть не только сегодня, а нашу земную проекцию в завтра: по снежной спирали, по звездной программе, где всё представляется в истинном свете и сбудется то, что задумано нами на третьей (по счету от Солнца) планете.

С небожителями я не дружил, на Луну и целину не летал, и на почте ямщиком не служил, и начальником Чукотки не стал. Размышляя о добре и о зле, дефилирую с душой наравне, и на всей невероятной Земле только Муза улыбается мне. И летит она по контуру дня, где пирует на миру воронье. Но, покуда Муза любит меня, небожители страхуют ее.

Когда качаются фонарики ночные... Г. Горбовский

Российские дороги не кончаются: какой бы не случился поворот, фонарики по-прежнему качаются, и черный кот выходит из ворот. Бесхитростную песенку Горбовского на все четыре стороны поют. Ему за это надо было «Оскара», но «Оскара» в России не дают. У нас такая тонкая материя, такая Вифлеемская звезда, что вечная Российская империя поет и плачет, раз и навсегда.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫШЕ БОЛИ И РАЗЛУКИ
Облака 7
«Когда говорится: «Мы родом из детства» 8
«За холмами высокой печали»
«Мы над своими судьбами не властны» 10
«Какая бы не одолела порча» 13
«Я вовсе не пророк» 12
Русский лес
«Шапку набекрень» 14
На траектории любви 15
«Говорить о любви и печали» 16
Путь
«У человека всё в порядке» 18
На Пасху
«Всё. Надоело ломаться»
«Не хитри и душой не криви» 27
Иллюзия
«Переплетенье тез и антитез»
«Эту женщину когда-то я любил» 24
Ночной романс
«Любимая, к чему упреки» 26
Жестокий романс 27

«Опять сегодня ты дотошная»	28
«Какое нетрезвое нынче веселье!»	29
«Нечего меня жалеть»	30
«Ты нежнее и много моложе меня»	31
«Разойдутся нетрезвые гости»	32
«Я выпью и, может, немного забудусь»	33
«Опять повторяется призрачный день»	34
«Некий сумеречный скептик»	35
Гантиади	36
«Пеленою облаков»	38
Воспоминания о Георгиу-Деж	39
«Кончается наше недолгое лето любви»	41
«По ялтинским пляжам гуляет закат»	42
«Прямо по течению беды»	
«Не ставшая ни песней, ни судьбой»	44
Дом	45
«Не отчаивайтесь, полноте»	46
Памяти дезертира	47
«Утекаем как вода»	48
«Душа и тело, плоть и дух»	49
«Алькова белая берлога»	50
Цыганская особая	51
Романс	52
«Хрустнул пальцами и пошел»	53
«На Савеловском сонном вокзале»	54

«Недостает немногого: любви»	55
«Конечно, в мире суматошном»	56
«Время жить и время умирать»	57
Октябрьское	58
«Ежечасно жизнь идет на убыль»	59
«В вот зима»	60
Железнодорожная песня	
«На похмелье уже не поется»	62
«Она уходила. Она покидала его»	63
«Мы, рожденные из праха»	
«Как будто не спишь»	
«По синему-синему небу»	
«Есть женщины, которые не блещут»	
На берегу	68
«Холодно, голодно и неуютно»	
«В аномально-дичающем веке»	
«Когда некрепкий сон отпустит веки»	
«В угаре любви, в апогее застолий»	72
ПО ДОРОГЕ НА ЧЕРНУЮ РЕЧКУ	
«По дороге на Черную речку»	
Река	
«Пройду с утра вдоль нашего квартала»	
«А ежели спросят на Страшном Суде»	
«Моя весна была простужена»	79

«Красиво жить, позировать молве»	80
Черемуха	81
«Всё поправимо, кроме одного»	82
Ночной трамвай	83
Странная жизнь	84
Города	85
Вокзал	86
«Деревья никогда не спят»	87
День рождения	88
В пути	89
«На площади возле вокзала»	90
«Жизнь повсюду хороша»	91
«Сидит человек у реки»	92
«Любой печали вопреки»	93
«Когда сентиментальная Луна»	94
«Свято место – кухонька да спальня»	95
«Прохлада с гор спускается в долину»	96
Южное	97
«На самом краю Казантипа»	99
«Как одинокая луна»	100
Песня	101
«Одни загорают, другие торгуют»	102
Русалка	103
, , ,	104
«По-над облаком бесполым»	105

«Городские мои соловьи»	106
«Улыбка»	107
«Никогда не будет плохо»	108
«Мы постарели, только и всего»	109
«Самой себе наперерез»	110
«Когда печальный Алконост»	. 111
«На белом коне, со звездою во лбу»	112
На пароме	113
«Отмеряй пару лет»	114
«Не влюбиться, не опохмелиться»	115
Тридевятое августа	116
«Лето кончилось, увы»	117
«Электричка уходит без четверти восемь» .	118
Актрисе	119
«Как по молодости, помнится»	120
«Хорошо гулять по осени»	121
Стансы	122
У поворота	123
В рюмочной	124
Песенка	125
«Отчего я сегодня с утра»	126
Тема для грустной дудочки	127
Погребки	128
Пушкиниана	129
«и на кого же, спрашивается, пенять»	130

Зимняя сказка	131
«Скулят бездомные собаки»	132
«Душа сквозит, как старое пальто»	
«Женщина, забытая зимой»	134
«И суета, и кутерьма»	135
Приглашение на погост	136
ПЕРЕХОДЯ ВРЕМЕНА	
ПО СОЖЖЕННЫМ МОСТАМ	
«У Дон Кихота копье»	139
«Стихи всегда слагаются в бреду»	140
Воронежское время	
Мария	142
«Когда я в небо долго не смотрю»	143
«Дырявая память не вдруг умерла»	144
«Весна по Заречью пошла ходуном»	145
«По соседству с огородами»	146
«Не черемуха и не сирень»	147
«По закоулкам Бринкманского сада»	
Прелюдия	
«Не в какой-то преисподней»	151
« Жизнь устаканилась, и понемногу»	152
Tapyca	
«В добрый путь»	154
«Поезд отслоился от перрона»	155

«Дожидался тебя, и скорей»	156
Мальвы	
«Деревья, травы, перегной»	158
Воспоминание о музыке	159
Ночная птица	160
«Не знаю, как там – на далеких планетах»	. 161
«На развилке путей»	162
Старый диван	
Возле моря	164
«Блудный пес неправильной породы»	165
«За Коктебель всё сказано давно»	166
«Не светильник и не факел»	167
«На самой прикольной из прочих планет» .	168
«Хочу дотянуться до Господа Бога»	169
«Пока стрижей стремительная стая»	170
«Когда, повторяя речные изгибы»	171
«Живая радость быстротечна»	172
Круги	173
Голубок	174
«Наутро, но еще пока ты спишь»	175
Тишина	176
«То ли юность мою, то ли старость»	177
В минуту одиночества	178
«Бывает иногда – хоть волком вой»	179
«Осталось про запас немного сил»	180

«В пути за живою и мертвой водой»	181
Пауза	182
Незабудка	183
«Последние сполохи бабьего лета»	184
В дороге	185
«Бессмертье человеку не по росту»	186
«Зачем, для какой стратегической цели»	187
«Эта жизнь – одноколейка»	188
Денежка	189
«А когда часы уснули»	190
«Крылья ночи шелестели»	. 191
Тайка	192
«На фоне заката, на лоне природы»	193
Звезда	194
«Зарядили дожди бесконечные»	195
Осенние цветы	196
«Вот и осень по жизни пришла»	197
Памяти Андрея Платонова	198
«Отчего, скажи на милость»	199
«После длительной попойки»	200
«Ее на свете нет»	201
Кольцо	202
«Выпила недорогого вина»	203
«Зима не торопилась»	204
Старый альбом	205

Безделушка	206
В кинотеатре повторного фильма	207
«Хочется праздника!»	208
Новогоднее	209
Из детства	210
«Эта Родина проще простого»	212
Старик	
«Сочинилось ни много ни мало»	214
«На самых высоких орбитах»	215
«Не надо возвышенных слов»	216
«Живу, не прячась, а над Летой»	
Удача	218
пре сиріяния	
ДВЕ СКРИПКИ	0.01
Две скрипки	
«Важно это вам или неважно»	222
«Ну, здравствуй, своевольная весна!»	223
«По весне в соловьином саду»	224
«Где бы мы ни родились»	225
«Душа – неизменная величина»	226
«Кладбище. Чугунная ограда»	227
To appearations wells in Criminana must	
До звездного неба и Судного дня	
Памяти бабушки	229
	229

«Жизнь уронила белые крыла»	232
«Когда мы отправимся в царство теней»	233
Время сказок	234
Кино	235
«Как по кругу циферблата»	236
Стрекоза	237
Гроза	238
«Иногда ночами снится»	239
«У птицы душа нараспашку»	240
«Мы выживали времени назло»	241
Муравей	242
Боги, люди, муравьи	243
«Если мир устроить набело»	244
Сапоги	245
Август	246
У Адмиралтейского причала	247
•	248
Полоса отчуждения	249
	250
«Когда собираются вместе бродяги»	251
В лесу	252
•	253
Одиссей	254
Гектор и Андромаха	
«У возраста странная мера»	

«Все мы понемножечку волхвы»	257
Листья	258
Осенний романс	259
Ночной блюз	260
«Сад облетел, а песенка не спета»	261
Что я вижу из окна?	262
«Во дворе, где мусорные баки»	263
Собака	264
«Кобель ютится под забором»	265
Пилигрим	266
Симонов	267
Антуан	268
Айседора	269
«Фонарь у дежурной аптеки»	270
«От немыслимого чуда»	271
Перечитывая Бунина	272
История	273
«Старик, похожий на пророка»	274
«Русский вопрос не имеет ответа»	275
Родина	276
«Не избами, не сеновалом»	277
За пару дней до Рождества	278
«Не знаю, кто меня по жизни опекает»	279
Спящая царевна	280
«Там. гле косматые ели»	2.81

1	283 284 285 286
«Листая последние дни февраля»	284 285 286
«Душа, летящая как дым» Посвящение МАЛЕНЬКАЯ МУЗЫКА ЗЕМЛИ «Я во Вселенной разбираюсь слабо» Музыка	285 286
Посвящение	286
«Я во Вселенной разбираюсь слабо» Музыка	289
«Я во Вселенной разбираюсь слабо» Музыка	289
Музыка	289
1	
«На перекрестке судеб и дорог»	290
1 1 // / / 1	291
«Так устроено в душе и в природе»	292
Город	293
«Батареи, не веря весне»	294
«Они звучат из года в год»	295
Сирень	296
Цыганское	297
Гадание	298
«Сколько жил на белом свете»	299
Пушкин	300
Классика	301
«Предавать у нас не внове»	302
	303
«Судьба ведет неторопливо»	
	304
«В Петровском парке ночь наполовину»	304 305

«В этом городе областном»	307
Недолгая любовь	308
«И понял вдруг, что я умру»	309
«Я жил сомнительно и слепо»	310
В ожидании чуда	311
«Посреди великого простора»	312
«Не только тревоги и страхи»	313
Между небом и рекой	314
Середина лета	316
Дзинтари	317
«По окоему туманов»	318
Коктебельская осень	319
«Когда мы были молоды»	320
«Ну, вот и закончилось лето»	321
«Там, где ночь в переулках петляла»	322
«Любовь начинается как листопад»	323
«Прикольных дней и юношеских лет»	324
Время	325
«Ты стоишь передо мной»	326
Одинокий велосипедист	327
Ночные письма	328
«Метафорическая мгла»	329
На могиле сестры	330
На погосте	331
«Если начинается война»	332

Морпех	333
«Со студенческой скамьи»	334
Комната смеха	335
Под одеялом	336
Романс	337
«Она не молода, но моложава»	338
«Не за морями и не за горами»	339
Старики	340
На перроне	341
«Сколько листвы под ногами»	342
Ночь	343
Трамвай	344
«Если долго вглядываться в лица»	345
«Ангел мой, для чего мы живем»	346
«В этом доме холодно зеркалам»	347
Сон	348
«До небес далеко»	349
«Красиво гуляли, прикольно острили»	350
«Какой феерический снег новогодний»	351
«С небожителями я не дружил»	352
«Российские дороги не кончаются»	353

Валентин Нервин ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

Подписано в печать 27.05.2022 г. Формат набора 70х100/32. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,84. Заказ № 694. Тираж 300 экз.

Изготовлено по заказу ООО «Пресса ИПФ». 304006, г. Воронеж, ул. Челюскинцев, д. 143. Отпечатано в АО «Воронежская областная типография». 394071, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73А.